

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

НАДЕЖДА МАМАЕВА

ДНК ТВОРЦА

Annotation

Приличным невестам полагается после свадьбы жить с супругом в согласии долго и счастливо. Неприличным — сбегать из-под венца. Светлане же, едва отзвучали слова брачной клятвы, пришлось спасать мужа из инквизиторских застенков. Когда друзья — враги, а противник готов подставить плечо в трудную минуту, стирается граница между правдой и ложью, а ответ на вопрос: «Кто виноват?» — хранит глубь веков. Спасая любимого от смертного приговора, юной чародейке предстоит прогуляться по еретическому костру времен Возрождения, в эпоху галантного века умыкнуть венецианского дожа, а в век двадцать первый — угнать осла. И все это ради того, чтобы найти настоящего преступника.

Надежда Мамаева

ДНК Творца

© Н. Мамаева, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Автор сердечно благодарит:
Светлану — за внимание к деталям,
Максима — за терпение и присутствие
и дорогих читателей — за поддержку.*

Рим, 1584 г.

— Сей отступник, поправший заветы Священного Писания, обвиняется в ереси, поклонении Сатане и приспешникам его, чернокнижии и наведении мора, — речь обвинителя звучала размеренно и торжественно.

Худой парнишка, привязанный к столбу, стоял, опустив голову. Колтуны в его грязных, неровно обстриженных волосах, разбитые губы, тощее голое плечо, видневшееся в разорванном вороте рубахи, — облик был красноречивее любых слов.

«И этого почти ребенка светский суд Рима признал одним из опаснейших поборников Люцифера?» — Я невольно подивилась богатству воображения святош.

Меж тем обвинитель в красной сутане продолжал:

— И приговаривается к смертной казни через сожжение.

Палач подошел с факелом к сложенным у ног парнишки вязанкам хвороста. Больше медлить было нельзя. Я собиралась нарушить самое главное правило всех чародеев: невмешательство в жизнь обычных смертных, но иного выбора у меня просто не было.

Длинные рукава бесформенной серой хламиды, капюшон, опущенный на лицо, — такая же, как и тысячи пришедших сегодня на площадь. Как же! Такое событие: сожжение на костре колдуна! Вот только цель, в отличие от ротозеев, у меня была несколько иная.

Сняла пистолет с предохранителя и, вскинув руку, выстрелила, целясь в красносутанника, а потом и в стражников с арбалетами.

Поборник слова Божьего упал как подкошенный, и тут началась она — паника. Народ, до этого алчущий зрелища мучений парнишки, ринулся прочь с площади. Нет ничего страшнее толпы, ибо она неуправляема и беспощадна в своем диком, животном страхе.

Меня не снесло людской волной, не вмяло и не затоптало лишь потому, что я стояла не в центре, а почти в первых рядах зрителей. Работая локтями, буквально пробивая себе путь, двинулась против бешеного потока. Мне нужно было добраться до него, до этого чертова несносного мальчишки, ведь он был моим единственным шансом спасти мужа, отца нашего ребенка.

Глава первая

Римское резюме

Казань, май 2018 г.

Свадьба — не только красивое русское слово. Свадьба — это мечта, это сказка родом из детства, это то, чем должна заканчиваться каждая приличная история любви. По наивности я тоже так думала. Но вот сейчас, стоя перед зеркалом в длинном белом платье, отчетливо понимала, что свадьба — это еще и безумное волнение, закрученное в спираль событий. Да, приятных, но оттого не менее нервных.

Мама в очередной раз расправила фату и, обняв меня за плечи, посмотрела в наше с ней отражение.

— Не верится, что ты такая взрослая. Для меня ты все та же маленькая озорница. И даже немного страшно отдавать тебя замуж за этого демона.

Я лишь улыбнулась ей в ответ. А что тут скажешь? Мой будущий супруг был демонюкой во всех смыслах этого слова. Наличествовали и рога и хвост, а еще вредный характер и язвительность, приправленная аристократическим воспитанием и потому раздражавшая вдвойне. Но, наверное, это одна из особенностей любви: видеть недостатки и все равно быть рядом, дышать одним воздухом, засыпать и просыпаться, понимая, что рядом с тобой — такой родной, близкий, и никого другого не надо.

— И все-таки я надеялась, что ты выберешь в мужья обычного человека, — мама печально вздохнула, в очередной раз напомнив о теме, которую мы не единожды обсуждали.

Я уже хотела отстраниться, чтобы прервать ее, но она продолжила, удержав руку на моем плече:

— Но я вижу, как сияют твои глаза, помню, как этот рыжий демон добивался у нас с отцом благословения на ваш брак... И искренне надеюсь, что у вас все будет хорошо. Для матери нет большей радости, чем видеть счастье на лице своего ребенка.

За окном раздался настойчивый сигнал: водитель одной из машин свадебного кортежа в очередной раз напоминал, что ни в ЗАГСе, ни в церкви нас вечно ждать не будут.

Я невольно улыбнулась, вспоминая, как горячо Лим настаивал именно на религиозной церемонии, утверждая, что брак должен связывать души, а не быть бумажной формальностью. Из уст демона слышать это было странно вдвойне. Но как пояснил мой будущий супруг, важен даже не сам церковный обряд, а тот, кто его проводит. Помыслы и дела духовника должны быть чисты. Именно такой человек может соединить души. В сутане он или без.

Мне оставалось согласиться с этой причудой любимого, хотя я мало что поняла. Лишь то, что маги верят в высшие силы, но как-то по-другому, не олицетворяя их, как простые обыватели. Для них один бог — это любовь, доброта и свет, другой — ярость, месть, сжигающий все и вся огонь, третий — темнота и безнадежность. Были еще и другие — я не запомнила.

По одной из легенд, частица этих богов есть в каждом чародее, в каждом человеке. И соединить души может лишь тот, у кого в сердце есть свет. Поэтому-то Лим выбирал

священника для обряда очень придиричиво.

Не знаю, о чем думал убеленный сединами сухонький дедок в рясе, к которому будущий супруг пристал не хуже банного листа с пространными на первый взгляд вопросами, но я бы на месте церковника минут через пять огрела рыжего кадилом. Демон с профессиональной педантичностью выяснил чуть ли не всю биографию святого отца, начиная с ползункового возраста, а потом еще минут пять сверлил его взглядом, словно делая рентген души.

Итогом всего этого безобразия и была сегодняшняя церемония. И если торжественное до оскомины «объявляю вас мужем и женой» работницы ЗАГСа вызывало желание поскорее смыться, то венчание — стойкое дежавю. Я стояла и безрезультатно пыталась спрятать улыбку, памятуя о том, чем все закончилось в прошлый раз.

Вечером, в узком кругу близких, на открытой террасе одного из ресторанчиков, приютившихся на набережной Волги, мы наконец отпраздновали нашу свадьбу. С моей стороны были лишь родные, ибо Светлана Смирнова официально умерла (правду знали только мои родители), а новоявленная миру Алсу Шигапова обзавестись новыми и, главное, близкими друзьями не успела. Лима пришли поздравить коллеги и друзья. Впрочем, наличествовал еще его дядя, чей острый язык можно было использовать вместо газонокосилки.

Когда на небо выкатилась полная, белая до серебра луна, а майский свадебный вечер опьянил окончательно, наступило время прощаться с гостями.

Для всех друзей Лима, кроме Аарона, весь вечер притворно вздыхавшего и напропалую флиртовавшего с официантками, я была не бывшей институткой, а внезапно вспыхнувшей татарской любовью со слабым магическим даром. Столь малым, что и обучаться в каком-либо заведении для чародеев не имело особого смысла.

— Ну, рыжий прохвост, вот от кого, от кого, а от тебя я не ожидал такой прыти. Закоренелый холостяк, и, поди ж ты, влюбился без памяти. — Молодой наг, на котором лежал морок студента-шалопая, похлопал Лима по плечу.

Теплый ветер с реки играл в волосах, а приятная вечерняя усталость обволакивала. Оттого вмешиваться в мужской разговор не хотелось. Я просто прижималась к мужу и счастливо улыбалась.

— Франческо, я посмотрю на тебя через пару лет, когда ты окажешься на моем месте, — супруг хитро прищурился.

— А ведь вполне могу, — наг задумчиво почесал затылок. — Тем более, пока нет нового Распределителя, можно не опасаться, что после двадцати семи тебе накинута ярма на шею.

— Будет интересная шутка судьбы, если ты сам станешь новым Распределителем. По слухам, тебя прочтат одним из кандидатов на эту должность... — Лим усмехнулся, а я буквально кожей ощутила его внутреннее все возрастающее напряжение: слишком неприятной была тема о сумасшедшем, возомнившем себя Творцом судеб.

Хотя на лице демона блуждала обманчиво-расслабленная улыбка, я понимала — это искусная маска. Франческо, кажется, этого не замечал, продолжая беспечную болтовню:

— Э нет... я слишком молод для этого. Да и дар видящего у меня не в пример слабее пернатого хрыча.

— Не прибедняйся. Ты самый одаренный из пятерки... А остальные — по силе одинаковы, что щенки с одного помета.

В разговор бесцеремонно вмешался дядя Лима, и за это я была ему благодарна. Старик отсалютовал бокалом племяннику:

— Сегодня я убедился, что поговорка про шальную удачу рыжих верна. Вон какую невесту себе отхватил, — нарочито-доброжелательно заключил он и опорожнил бокал. После чего поставил пустой бокал на столик и машинально поправил булавку на черном шейном платке. Серебряное украшение в виде кадуцея сверкнуло в обманчивом свете вечернего фонаря.

Наг же, будь он неладен, вновь свернул на опасную дорожку:

— Да у нашего демона удача и вправду сумасшедшая: давно вышел из возраста не только женитьбы, но и распределения. Будь жив крылатый старикан, он бы перьями лег, а не позволил Лиму взять в жены ту, которую наш следователь сам выбрал.

— Это кто кого еще выбирал... — Все же когда о тебе говорят, словно тебя здесь нет, задевает, заставляя вмешаться в разговор.

На это заявление муж счастливо засмеялся и поцеловал меня в макушку.

И тут над головами гостей голос с нотками металла, усиленный магически до громового раската, приказал:

— Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Лим Дейминго и Светлана Смирнова, я, капитан инквизиторской стражи Марк Тон, предлагаю вам сдаться, в противном случае мы вынуждены будем применить силу!

Я бросила злой взгляд на Аарона и прошептала одними губами:

— Предатель!

На лице дракона, белом как полотно, застыло ошарашенное выражение.

В это же время Лим тихо и отчетливо, обращаясь к дяде, произнес:

— Спаси ее! — и, сжав в ладони капсулу, толкнул меня в еще полностью не открывшийся аварийный телепорт.

Я лишь услышала отчаянное Аарона: «Это не я!» — и почувствовала, как в мои плечи впились чьи-то сильные руки.

Мгновение — и яркий свет сменился темнотой чернильного неба. Под ногами была пустота, которую я стремительно преодолевала, влекомая силой, против которой пасует даже изначальная тьма, — силой тяготения.

С ужасом осознала, что сейчас разобьюсь.

Состояние свободного падения сразу же обеспечило ударную дозу адреналина. Отсутствие какой-либо опоры и лишь один зрительный ориентир — россыпь все множущихся городских огней — породили полное ощущение параллельной реальности. В ней не было ни времени, ни пространства, ни верха, ни низа. Только свист ветра в ушах, твердый, как гранит, воздух в руках и бешеный стук сердца. Мозг наотрез отказывался анализировать происходящее.

Лишь когда вокруг тела начало формироваться зыбкое марево и наждак ветра сменился вязким киселем, я скорее ощутила, чем разумом поняла, — левитирую.

Дейминго-старший, извернувшись с поистине кошачьей ловкостью, оказался рядом.

— Портал, заразы, перебили! Вот нас и выкинуло с трека. Хорошо хоть успел... — и Таргос с наслаждением перекувыркнулся в воздухе, приняв почти вертикальное положение.

То, что он успел сотворить заклинание в какой-то сотне метров от земли, было чудом. Мы приземлились на пустыре, находившемся на окраине. Что это был за город, меня, как ни странно, волновало мало. Гораздо больше тревожил вопрос: почему инквизиция решила арестовать нас с Лимом? И если по поводу собственной персоны были хотя бы смутные догадки — как-никак скрывающаяся от властей временница, — то по поводу

новоиспеченного супруга — никаких. Но я задала своему спутнику совершенно другой вопрос, волновавший русские умы уже не один век:

— И что нам теперь делать?

Старик внимательно посмотрел на меня.

К слову, с Дейминго-старшим мы познакомились накануне свадьбы. Сухощавый, с голубыми жилками на шее и руках, но удивительно цепким, циничным взглядом зеленых глаз и неестественно прямой для его возраста спиной, он невольно вызывал желание держаться от него подальше. Вот и сейчас захотелось сделать шаг назад и опустить голову, словно я была нашкодившим кутенком.

Наконец Таргос нарушил тягостное молчание:

— Для начала — выбираться отсюда как можно скорее. И без использования магии, — он тяжело выдохнул. Видимо, колдовство в ночном небе все же далось ему нелегко. — А потом разобраться, почему к вам нагрянули незваные гости, и вытащить моего племянника из инквизиторских застенков.

Я лишь кивнула. Сейчас голова отказывалась хоть как-то связно думать, и я была благодарна этому старому некроманту за то, что он взял на себя тяжесть принятия решений.

Наша колоритная парочка (я — в белом свадебном платье, с растрепавшейся прической, и старик в черном фраке), появившаяся на темной улице рабочего района в полуночный час, вызвала неподдельный интерес трех юных джентльменов удачи.

Глядя на любителей семок и китайских адидасов, в памяти невесть откуда всплыли слова: «Такие отвратительные рожи собрались, а как похожи!»

— Ты смотри-ка, какие пташки залетели... — протянул один, протяжно акая.

Второй, не церемонясь, продемонстрировал аналог местного каравая, которым здесь было принято встречать гостей, — складной нож.

— Давай, старик, лопатник. А твоя алюра пусть цацки снимает, — гоготнул первый и, сплюнув через дырку в передних зубах, добавил: — И это... барахло пусть тоже скидывает.

Его последние слова потонули в одобрительном гоготе дружков.

Развернуться и пуститься наутек было бесполезно: против трех бандюг на шпильках больно-то не побегаешь. Я лишь шепотом осведомила у старика:

— Без магии, говорите...

Сама же начала снимать туфли, прикинув, что босиком я буду и быстрее, и устойчивее.

Увидев это, бандиты предвкушающе оскалились.

Мой жест не остался незамеченным и для Таргоса. Старик сделал шаг вперед, словно загоразивая меня, и тихо произнес:

— Оббеги дом, — он чуть заметно кивнул вправо, — и возвращайся. Твоя задача — сделать так, чтобы тот, кто ринется следом, не догнал. А с двумя я сумею справиться.

Все это было сказано уверенным, безапелляционным тоном. «Похоже, этот некромант не терпит возражений», — мелькнула мысль, в то время как тело, подчиняясь древнейшему из рефлексов — в случае опасности бежать или сражаться, — напружинилось.

Раздавшееся в тишине: «Давай!» — сработало почище выстрела из стартового пистолета. Я, крутанувшись на месте и задрав юбку с подъюбником чуть ли не до груди, задала стрекача. Мне вслед полетело чье-то экспрессивно-душевное: «Лови шмару, а то уйдет, паскуда!»

Не оглядываясь, завернула за угол. Рассматривать через плечо столь пылкого поклонника, возжелавшего моей руки, ушей, а также других частей тела, на которых имелось

если не золото-серебро, то что-то ценное, не очень хотелось.

Дистанция, судя по топоту, стремительно сокращалась. Глянула вперед и тут только поняла: когда кажется, что хуже уже не будет и ты на самом дне, судьба с гаденькой улыбкой обрушит пол под ногами, показав, что под тобою до этого был настил над выгребной ямой. В моем случае ухмылка фортуны представлялась кирпичной, грязной и двухметровой. Тупик, чтоб его!

У меня же, как у загнанного в угол зверя, первоначальный испуг начал уступать место банальной злости. Она-то и придала сил. И тут я увидела ее — ржавую и покореженную судьбой пожарную лестницу. Она крепилась к стене не иначе как на одном только честном слове. Видимо, строители, возводившие сей шедевр противопожарного зодчества, клали на совесть во всех смыслах этого слова. Конструкция скрипела даже при полном отсутствии ветра. Чем я думала в тот момент, когда решила покорить сею арматурную вершину, — непонятно. В оправдание могу лишь сказать: продолжать забег по прямой было просто некуда. От тупика отделяли лишь три десятка шагов.

В итоге, ничтоже сумняшеся, выпустила из рук несчастный подол и в прыжке ухватила нижнюю перекладину пожарной лестницы. Подтянулась на диво быстро и в ускоренном темпе начала восхождение на свой персональный Эверест.

Преследователь повторил мой прыжковый маневр и только начал нелегкий вертикальный путь, добравшись до второго этажа, как проржавевшая конструкция, не выдержав столь пристального внимания двух персон, решила исполнить-таки сольную партию.

Сначала она плавно накренилась, вытащив скобы из кирпичной кладки, а потом начала свое феерическое падение. Я, отчаянно визжа, успела лишь оттолкнуться от предательски ускользящей из-под ног и рук опоры и уцепиться за край балкона. Последний, на мое счастье, был не современным, а повидавшим еще времена первого советского генералиссимуса и оттого открытым и имеющим ограждения в виде ажурной ковки, нещадно потрепанной временем.

Преследователю так не повезло. В пределах его досягаемости был лишь суровый кирпич, а потому он вместе с пожарной лестницей полетел вниз. Результатом коллективного десантирования на асфальт стала композиция «Курган пожарной славы». Самое интересное, что бандит, даже лежа, придавленный свалившимся на него счастьем для собирателя металлолома, трепетно обнимал арматуру. Я же на манер флага, выкинутого в знак капитуляции, болталась на уровне третьего этажа. Правда, вопить уже перестала.

На грохот и визг, что примечательно, никто из местных аборигенов не откликнулся. Не то чтобы света в окне не зажглось, даже шторы не шелохнулись. Видимо, данная форма ночных развлечений была явлением обыденным.

Таргос, в отличие от уроженцев здешних мест, отреагировал достаточно быстро: спустя всего секунд двадцать он, прихрамывая, выбежал из-за поворота.

Узрев поверженного врага (бандит был придавлен качественно, без надежды на освобождение), старик лишь выдохнул.

— Я же сказал тебе: просто отвлечь.

Мне в ответ оставалось лишь поболтать ногами в воздухе в надежде, что этот жест сойдет за аналог пожатия плечами. Говорить пока было тяжело: физические нагрузки никогда не были моим коньком, да и голосовые связки, судя по всему, я все же посадила.

— Ты ходячая беда, — созерцая мои ножки, выдал старик. — Давай прыгай, я поймаю.

В том, что Дейминго-старший меня не уронит, были смутные сомнения. Но руки уже почти не держали, а потому оставалось лишь расцепить пальцы, зажмуриться и второй раз за сегодняшний вечер довериться судьбе. В объятия некроманта я ухнула, как в рыхлый сугроб.

Он охнул, а спустя мгновение, распрямившись со мною на руках и глядя на погребенного под лестницей бандита, произнес:

— Я сегодня еще раз убедился: все же, Алсу, ты опасная женщина.

— Зовите меня Светланой, — просипела я, решив оставить выяснение причин столь сомнительного комплимента на потом. Старик на это лишь хмыкнул и скинул меня с рук.

— А те двое? — решила задать животрепещущий вопрос. Правда, по тональности он больше походил на карканье недодушенной вороны.

— Они ближайшие пару месяцев проведут в горизонтальном положении.

Ко мне же начало возвращаться если не хладнокровие, то относительная ясность мысли. А может, это был цинизм, без которого медику не стать профессионалом? Я внимательно осмотрела неудачливого грабителя и, рассудив, что раз нам с некромантом придется обходиться без магии, то неплохо бы разжиться эквивалентом чародейства в людском мире — деньгами, решительно направилась к своей жертве.

Бандит при ближайшем рассмотрении оказался из породы «маленькая собака до старости щенок» (на вид ему было лет шестнадцать — двадцать — тридцать). Он лежал с неестественно вывернутой ногой и тихо скулил. Побелевшее лицо, опущенные вниз уголки губ, расширенный зрачок — все это свидетельствовало не только о боли, но и о страхе. Еще бы. Представьте картину: трое волков загнали двух зайцев с намерением задрать их и вкусно поужинать, а косые, вместо того чтобы сдаться, начали лупить почем зря серых хищников.

Я с чувством некоторой брезгливости (последняя была скорее по отношению к себе: все же лазить по чужим, пусть и воровским карманам претило воспитанию) проверила содержимое куртки бандита. Два кошелька, три телефона и два паспорта (оба, увы, мужские) — сегодняшний улов хозяев подворотни впечатлил.

Старик задумчиво наблюдал за моими манипуляциями, прислонившись к стене.

— Ты закончила? — наконец осведомился он, когда я принялась листать паспорта.

Со страниц одного из документов на меня смотрел серьезный смуглый паренек в очках, со второго — работяга лет под сорок с усталым взглядом.

— Да, вполне. И нам нужен мужской магазин, — я машинально постучала паспортами, зажатыми в одной руке, по запястью другой, — если хотим, как вы выразились, «убраться отсюда подальше и без магии».

Таргос с вопросом посмотрел на меня, и пришлось пояснить:

— Мы слишком выделяемся из толпы. Да и к тому же ваш амулет маскировки не вечен.

Старик понимающе усмехнулся и протянул руку в повелительном жесте:

— Дай гляну.

Пришлось вручить ему оба паспорта. Дейминго-старший долго кривился, разглядывая фото, и наконец изрек:

— Ну что же, значит, ты у нас теперь Михаил Васильевич Матвеев — молодой человек в самом расцвете призывного возраста... а я Ярослав Степанович Новоселов — судя по штампам, семьянин и отец двоих детей, — распределил роли старик и задумчиво протянул: — Ну ничего — этого хватит, чтобы добраться до Москвы.

— А что там? — не удержалась я от вопроса.

— А там мой давний приятель, который может помочь и, что самое главное, которому я

доверяю, — дядя Лима снизошел-таки до ответа.

Дальнейший наш путь по ночным переулкам обошелся без приключений. То ли территория была поделена между бандитами, и в каждом районе промышляла лишь одна банда, то ли лимит невезения на ближайшие часы был исчерпан, но спустя какое-то время мы вышли, как гласила табличка, на Ленинский проспект.

— Информативненько, — подытожила я результаты находки, прервав молчание, длившееся все то время, пока мы выбирались с окраины.

Старик недоуменно посмотрел на меня, видимо, ожидая, что я не иначе как JPS-навигатор, узнав название улицы, сразу сообщу ему наше точное местоположение. Пришлось его разочаровать:

— Именем вождя пролетариата названа либо улица, либо проспект чуть ли не в каждом втором городе России. Поэтому предлагаю поступить проще — спросить.

— В предрассветный час улицы полны любителей променадов, — ехидно заметил старик.

— Насчет прохожих не скажу, но вот эту стелу искренне любят все, кто испытывает нужду, — я ткнула в гордо возвышавшуюся желтую букву «М», припомнив, как одноклассник Венька, ярый националист, использовал Макдоналдс только в качестве бесплатного туалета, аргументируя, что так мстит Америке.

Старик, не придумав ответной колкости, пошел следом за мной в указанном направлении.

Когда мы оказались внутри, в нос сразу же ударил запах фастфуда. В голову не к месту пришла мысль о специфических духах: обычная кухня не пахнет так сильно и аппетитно. Вторым чувством был озноб: только окунувшись в тепло кафе, я поняла, насколько все же холодно ночью.

За стойкой безуспешно пыталась скрыть зевок за улыбкой молодая кассирша.

— Доброй ночи! — поприветствовала она в лучших традициях Карнеги. Увы. Никакой устав обслуживания клиентов не смог скрыть ее взгляда, полного удивления.

Я же, чувствуя себя потомственной клинической идиоткой, выдала:

— А мы тут со свадьбы... по стаканчику кофе выпить зашли, — и, пока девушка пыталась выдать из себя дежурное перечисление списка капучин-моккачин, добавила: — А кстати, в каком мы городе?

Ее палец все же завис над монитором, но, видимо, дрессировали здешних операторов на славу, ибо она стойко ответила на вопрос чудаковатой клиентки:

— Екатеринбург. Какой вам кофе?

— Два латте, пожалуйста.

Кассир споро выбила заказ. Я же после того как расплатилась, выбила-таки почву у нее из-под ног, причем окончательно, банальным при свете дня вопросом: «Где здесь работающий в это время магазин верхней одежды?»

Девушка икнула, но стоически попыталась рассказать, как добраться до вождя храма торговли.

С добытыми сведениями и стаканчиками кофе я села за столик напротив Таргоса. Старик поджал губы, ожидая, что я скажу. Моя молчаливая партизанская тактика смакования горячего напитка вынудила его начать диалог:

— И? — в этом емком звуке были и ожидание, и надменность, и негодование на самого себя: как же, ему, высокородному, и приходится спрашивать.

Видимо, и у Дейминго схлынула волна летных впечатлений, ибо сейчас он очень напоминал Лима в первые дни знакомства: такой же аристократически-замороженный и неразговорчивый. Вот только нрав у старика был едкий, как негашеная известь.

Я отодвинула недопитый кофе и, опершись локтем на стол, чуть подалась вперед:

— Скажите, чем я вам так не нравлюсь, что разговаривать со мной наедине вы считаете ниже своего достоинства? Ведь даже когда Лим был рядом, вы настолько фальшиво играли в радушие, что не заметить этого мог бы только слепоглухонемой мертвец, — озвучила я мысль, подспудно давящую на меня с самого момента нашего знакомства.

— Любишь правду? — ошетилившись, в тон мне ответил старик.

— Предпочитаю ее лицемерию из недомолвок.

— Значит, хотя бы что-то стоящее в тебе есть, — выплюнул он, а затем желчно продолжил: — А про «не нравлюсь»: за что мне тебя любить? За то, что подвернулась Лиму в нужное время, когда запрет на брак оказался снят из-за отсутствия Распределителя? За то, что мой племянник поверил твоей молодости и невинному взгляду? Да ты такая же, как и большинство этих светских кокоток-пустышек, грезящих о положении и деньгах. Только вот у тебя самой нет ни сильного дара, ни титула. Лим для тебя — счастливый билет, за который ты ухватила, как продажная шляха на улице за богатого клиента...

Договорить он не успел. Остаток кофе из моей чашки оказался у него на лице быстрее, чем я осознала, что делаю.

Захотелось еще добавить: «Старый шовинист» — и кое-что покрепче, но хотя бы этот порыв смогла сдержать. Проглотив комок, возникший в горле после этих его слов, я предельно четко, по-военному чеканя слова, проговорила, вставая:

— Я благодарна вам за спасение, за вашу помощь, но, извините, с тем, кто считает меня продажной девкой, повисшей на его племяннике, я не сяду за один...

Он ухватил меня за запястье, не дав закончить движения.

— И куда же ты пойдешь? Как попытаешься помочь своему мужу? Ведь еще сегодня днем ты всем так усиленно показывала, как его любишь...

Капли кофе стекали с его лица, шеи, оставляя грязные пятна на стойке воротника, но старик, казалось, не замечал этого. Он впился в меня взглядом, как таежный клещ в беспечного туриста.

Первым порывом было выдернуть руку из его хватки и гордо уйти. Но что потом? Просить о помощи близких — чревато. Наверняка за ними следят. Можно было попробовать найти Стасиса и Йожа — неунывающую парочку, по вине которой меня и отправили в Институт благородных чародеек. Попытаться через них выяснить, в чем же обвиняют нас с Лимом. Но что смогут и смогут ли вообще два кадета-шалопая? Но других знакомых от мира магии, кому могла бы довериться, у меня попросту не было. Зато у этого чертова старика наверняка они есть.

И я опустила обратно на стул.

— Знайте, я вас презираю теперь так же, как и вы меня. Но я перешагну через собственную гордость, если это поможет вытащить Лима.

Старик ничего не ответил, лишь отпустил мою руку, а потом довольно улыбнулся.

— Ну вот и выяснили отношения, — заключил он и вытер лицо ладонью. — Кстати, кофе преотвратный.

— Выяснили, — подтвердила я. И задала последний вопрос: — Скажите, а зачем вам я? Вы же могли, раз так недолюбливаете меня, просто не подцепить заклинанием левитации

или не спасать от бандитов...

— Я хочу, чтобы мой дорогой племянник сам разочаровался в тебе. И приложу для этого все усилия. Поэтому и не дал сегодня разбиться. Что же до того несчастного, погребенного под железом, — это его, как оказалось, надо было спасать от тебя.

Но, как впоследствии выяснилось, старик виртуозно умел недоговаривать: я нужна была ему не меньше, чем он мне. Ведь даже убеленные сединами чародеи оказываются беспомощны, когда вынужденно или добровольно остаются без магии. Поэтому-то замечать следы, теряясь в людском потоке, пришлось мне. Как ни странно, это не составило особого труда.

Мы добрались до магазина, где и приобрели все необходимое.

Стоя у зеркала и вытаскивая шпильки из прически, с грустью осознала, что совсем не так должен был закончиться этот свадебный вечер. Слезы покатались из глаз сами собой. Беззвучно. Тушь, вопреки всем ожиданиям, вела себя, как защитники осажденного Ленинграда, — стойко, не сдаваясь соленой влаге. Решительно вытерев непрошенные дорожки со щек рукавом, скрутила волосы в узел и спрятала под кепку. Одернула мешковатую джинсовую куртку и прихватила лежавшие рядом очки.

— Ну что, Алсу Шигаповой уже была. Теперь побуду Михаилом Матвеевым.

Из зеркала мне оскалилось отражение непонятного, бесполого, но явно обозленного существа.

Старик, вышедший из примерочной, напоминал хипстера, ограбившего бутик. Столь нелепо на нем смотрелись, казалось бы, простые с виду вещи: штаны, жилет и темная рубашка.

— Это не пойдет, — вынесла я вердикт и обратила взор к полкам, ища взглядом джинсы и ковбойку.

Второй вариант был лучше. Но что-то было все равно не то. Спустя пару мгновений поняла, что именно: выражение лица Дейминго шло этой одежде, как бегемоту балетная пачка. Слишком породистая гримаса, слишком умный взгляд и хищные черты. И тут вспомнился один из уроков в институте: если не можешь добиться нужной эмоции изнутри, создай ее снаружи.

— Ботинки нужны на два размера меньше, — озвучила я свою идею.

— Мне эти в акурат, — тут же возразил старик.

— Вот именно, что они впору. А вам, чтобы соответствовать фотографии в паспорте, нужно как минимум выражение несчастного, умотанного жизнью человека. Если вы не можете его изобразить, то...

— Я прекрасно тебя понял, — зло сверкнул глазами старик. — Не надо ничего. Минут на десять я смогу стать бедным работягой.

— Носящим на голове вот это, — я выудила из кучи бейсболок ту, что была поневазначнее. Не дожидаясь вопросов и возражений пояснила: — Когда амулет маскировки откажет, чтобы было куда прятать рога.

Старик сцепил зубы, но с доводом согласился.

Из магазина мы вышли уже не эксцентричной парочкой, за которую невольно цепляется взгляд, а типичными обывателями городских улиц. Ничем не примечательные, а потому безликие. Таким легко раствориться в асфальтовых венах мегаполиса.

— Почему ты не спросила, как добраться до вокзала? — после очередного поворота спросил Таргос. Не иначе, мое молчание его тяготило?

Я скосила взгляд. Старик, не привыкший к навязанному ему обстоятельствами образу, недовольно сопел чуть поодаль.

— Потому что такой вопрос — как указатель направления нашего пути. А мы и так с момента появления в городе не сильно заботились о конспирации.

Я говорила и делала то, что подсказывала элементарная логика. Но та часть, что составляет неизменность женской натуры, сожалела о белом платье, которое ныне покоилось в мусорном контейнере за торговым центром. А ноги сами несли меня к улице, горящей огнями. Изредка по ней проносились машины: таксисты, официальные и не очень, спешили развезти загулявших пассажиров.

Выбрав место, с которого моя фигура была бы видна издалека, я встала, вытянув руку в интернациональном жесте, понятном любому бомбиле. Вторая же машина затормозила. Особо не торгуясь, мы с новоиспеченным свежком загрузились в салон и уже через каких-то полчаса купали билеты в кассе вокзала.

Мое, хоть и умытое, с громоздкой оправой очков на переносице лицо вызвало бы, наверное, в любое другое время нездоровый интерес у кассирши. Но в полуночный час чертей, когда внимание рассеянное, зал не наполнен гомоном и ожидающие отправки клюют носом, а усталость давит на плечи, даже самые стойкие поддаются заклинанию под названием «деньги».

Данный вид магии тяжело обнаружить даже маститому чародею, чуть легче — прокурору. Тетка в возрасте, сидевшая за кассой и с раздражением отложившая любовный роман при нашем появлении, тоже не смогла устоять против трех артефактов с изображением Хабаровска, вложенных в паспорта сверх стоимости билетов.

В плацкартном вагоне было столь весело, что хотелось повеситься: вахтовики возвращались домой. Проводница, выглядевшая столь же величественно, как дирижабль, выполнив минимум обязанностей (проверить билеты и выдать комплекты мятого и волглого белья), предпочла удалиться, дабы не попасть под горячую руку тех, кто возвращался с длинным рублем с Севера.

Я думала, что не смогу уснуть, — слишком много переживаний навалилось в одночасье. Но, как оказалось, физиология сильнее тонких психических материй. Под мерный стук колес и мужской гогот я буквально провалилась в сон, едва только укрылась жестким одеялом с головой.

Москва, май 2018 г.

— Вставай, приехали, — старческий голос над самым ухом выдернул меня из дремы.

Чья-то рука неласково потрясла за плечо. Еще не до конца определившись, в нави я или в яви, попыталась сесть. Не тут-то было. Отечественные плацкартные вагоны коварны: в проходе тебя поджидает галерея из дырявых носков и просто голых пяток, санитарные зоны наглухо закрывают самую вождеденную из дверей, а на полках второго яруса нельзя сесть. Только скрючиться вопросительным знаком и сползти вниз. Увы, про последнюю особенность я забыла. Отчего мой лоб душевно поздоровался с багажной полкой, на которой обычно хранятся матрасы с завернутыми в них одеялами и подушками.

— Ой, ё! — выдала я вместо утреннего приветствия.

— Спускайся. Я нам чай заказал. Через час будет Москва, — старик был сама

информативность.

Сонно огляделась вокруг. Провела ладонями по лицу в тщетной попытке заменить этим жестом полноценную процедуру умывания и помотала головой. Как ни прискорбно признавать, но старик был прав в одном: пора приводить себя в порядок.

«В столицу же приехали как-никак, — усмехнулась про себя, — надо соответствовать высокому статусу нерезиновой». С такими мыслями начала скручивать волосы в тугий узел, чтобы спрятать их под кепку.

Первопрестольная встретила нас суетой людских водоворотов, спешкой и шумом, снующими в толпе щипачами и провинциальными ротозеями, впервые прибывшими в столицу.

К моему счастью, Дейминго-старший к последним не относился: он так шустро заспешил к выходу, что я едва за ним поспевала. Когда мы добрались до метро, то, помедитировав на карту подземной паутины, определились-таки с дальнейшим маршрутом. Как оказалось, наш путь лежал в один из спальных районов. Не центр, но и не окраина.

Двойная удача состояла и в том, что хозяин квартиры, а по совместительству и друг моего «горячо любимого» (что аж задушить его в объятиях порою хотелось) свекра, оказался дома.

Маг, открывший дверь, — чистокровный человек — был морщинист, словно запеченное яблоко, и лыс, как коленка. Единственной растительностью на его лице являлись густые брови, к слову, абсолютно седые. По ходу нашего рассказа за рюмкой чая на кухне, хозяин их столь выразительно то хмурил, то поднимал вверх, что создавалось ощущение, будто для выражения любых эмоций ему достаточно лишь этой части его лица.

— Что я вам могу сказать? — подвел он итог разговора. — Судя по тому, что инквизиция действует столь нахраписто, — дела плохи. Пока пересидите у меня, а я попробую разузнать, в чем же обвиняют твоего племянника и вашего, барышня, мужа.

С этими словами хозяин покинул квартиру, а мы со свекром, как два рассерженных манула, предпочли хотя бы видимость коммунальной изоляции и разошлись по разным комнатам.

Бродя из угла в угол, я задумчиво рассматривала фотографии, которые в искусном дизайнерском беспорядке украшали одну из стен. Черно-белые и полноцветные, портретные и репортажные, студийные и панорамные — все эти снимки объединяло одно. Они были живыми. Величественный Сихотэ-Алинь, закулисье Мариинки, посиделки у костра — как окна в иные миры, как лучи солнца, бьющие через плотные шторы обыденного, серого и жестокого мира. Я невольно каждый раз обращалась к ним вновь и вновь и пыталась прогнать черные мысли.

Одна из них, особенно навязчивая, возвращалась вновь и вновь. «А вдруг этот Ростислав, друг моего свекра, нас сдаст», — это предположение, как назойливый шепот в ушах, заставляло держать спину неестественно прямой, а руки, помимо воли, сцепленными в кулаки.

Наконец, когда раскаленное солнце смущенно скрылось в закатной дымке, ключ в дверном замке провернулся несколько раз. Мы со свекром, как собаки, заждавшиеся хозяина, выскочили в коридор с разных концов одновременно.

— Ну?

— Что вы узнали?

Два синхронных вопроса, пронзившие воздух маленькой прихожей. Ростислав насупил

брови, не спеша снимать плащ.

— Даже не знаю, что сказать. Все это пахнет дележом высшей власти — не иначе, кандидаты в новые Распределители исчерпали честные методы борьбы и начали устранять друг друга... — он тяжело вздохнул, но, глянув на наши напряженные лица, по-видимому, решил не тянуть и перешел к главному: — В общем, Лима обвиняют в убийстве бывшего Распределителя. Дело полугодовой давности подняли и направили на пересмотр.

— Но он не мог этого сделать! Я это точно знаю, — вырвалось у меня помимо воли.

Двое стариков в упор уставились на меня.

— И почему же ты это «точно знаешь»? — процитировав меня, свекор задал вопрос, который напрашивался у обоих стариков.

— Потому что этого пернатого маньяка убила я, — признание далось на удивление легко.

Дейминго сумел-таки после моего заявления совладать с собой, а вот хозяин квартиры покачнулся и сел на столешницу трельяжа.

— С этого момента поподробнее... — протянул мой свежеиспеченный родственник.

Эхом этому восклицанию был враз осипший шепот хозяина квартиры:

— Так значит, это правда, и ты и есть та самая институтка... А я сначала подумал — что за бред.

В меня вперились два взгляда, так, что я невольно почувствовала себя зайцем, на которого охотники нацелили ружья. Пришлось начинать свой рассказ с того момента, как я попала в Институт благородных чародеек. По ходу моего повествования мы переместились из прихожей на кухню.

История была не из коротких, и по ее окончании настенные часы пробили полночь.

— Значит, говоришь, временница? — задумчиво протянул свекор.

Я лишь кивнула головой и задала вопрос, обращаясь к Ростиславу и меняя тем самым направление беседы:

— А почему вы сказали про политические игры? И как Лим к ним причастен?

Хозяин насупил брови и надолго замолчал, вперив взгляд в стену. Я боялась нарушить эту вязкую паузу. Наконец он, начиная издали, заговорил:

— У людей раньше говорили: «Король умер, да здравствует король!» Вот и сейчас: пернатый покинул свой пост, пусть и крыльями вперед. И в высших магических кругах началась крысиная драка за то, чтобы определенный кандидат водрузил свой зад на опустевшее распределительское кресло. — Он невесело усмехнулся. — И возмущения во временном фоне столь сильные, что даже архимаги-предсказатели лишь разводят руками, не решаясь составить хоть сколь-нибудь ясный прогноз.

Мы с Дейминго слушали его внимательно, не перебивая. У меня затекла спина, но я боялась даже шелохнуться. В делах, касающихся Лима, мелочей и ненужной информации не бывает.

Меж тем информатор продолжил:

— Орден Смотрящих признает, что на данный момент нет того, кто бы обладал даром. Я имею в виду настоящий, сильный дар, какой был у ныне покойного Распределителя и которого нет ни у одного из нынешних кандидатов.

— А что это за орден такой? — влезла я в разговор.

Оказалось, что должность вершителя судеб возникла не на пустом месте. И ныне покойный старик-нефилим не был самопровозглашенным.

Орден Смотрящих появился два тысячелетия назад, когда миры обыденный и магический начали разделение. Первоначально в его задачу входило лишь наблюдение за тем, не появляются ли в нем твари из бездны. Время шло, угроза становилась все более эфемерной, и члены ордена начали заниматься и научными изысканиями, наблюдать за своими братьями-магами. И так получилось, что именно члены ордена впервые забили тревогу, когда одаренных стало рождаться все меньше, когда чародеи не могли справиться с собственным даром и он подчинял их себе, когда сила способностей в череде поколений стала угасать. Тогда-то и решено было назначить Распределителя — мага с сильным потенциалом, способного предвидеть, какие дети появятся в каждом варианте брака, и найти наиболее удачно совместимые пары. Правда, чтобы сохранить все же некую свободу, определили возрастной ценз: до двадцати семи лет выбирать по собственному усмотрению. Почему-то именно у молодых риск рождения детей с дефектом способностей был гораздо ниже.

— А сейчас, после того как умер последний комбинатор вероятностей, свора бездарностей начала дележ, хотя ни у кого таланту не хватает. Ну да они об этом и не думают.

— Ну, дорогой друг, ты не открыл нам небесных врат, — свекор, по-видимому, все же не выдержал столь долгой прелюдии к обвинению Лима, — то, что все они Распределители лишь номинальные, известно любому магу.

— Да, способности Распределителя номинальные, но власть, которую дает эта должность, — по-прежнему реальна.

— А Лим здесь при чем? — вспыхнул свекор.

— А при том, что он — друг Франческо. А этот молодой маг имеет один существенный недостаток — за ним не водится серьезных грехов, нет в его прошлом темных пятен. А потому для кого-то он стал опасным конкурентом на пути к должности Распределителя.

— И этот кто-то решил действовать через Лима? — начала догадываться я.

— Правильно мыслишь, деточка, — криво усмехнулся Ростислав, — прям как следователь.

— На том с мужем и сошлись, — парировала я. — Но как они сумели все это связать, да еще подкрепить серьезными доказательствами? Ведь без них нельзя подвергать аресту...

— А здесь начинается самое интересное. После твоего рассказа все встало на свои места. Они откуда-то раскопали, что ты — та самая институтка, Светлана Смирнова, если не ошибаюсь? — с прищуром уточнил хозяин квартиры, и мне оставалось лишь кивнуть. — Так вот, они виртуозно связали правду и вымысел из дела «Скользящего по талантам». Согласно их версии, Лим в тебя влюбился, когда начал это расследование. Это так?

— Да, — только и оставалось мне подтвердить очевидное.

— Плохо, — сделал свой вывод рассказчик и, опережая мой вопрос, произнес: — Почему плохо, объясню позже. Пока — далее. Так вот, влюбился он настолько, что захотел не простой интрижки, а семьи и детей. Но все знают, какие напряженные отношения были у нашего рыжего и Распределителя. Пернатый хрыч крыльями бы лег, а не допустил их брака. При первой же возможности, чтобы насолить Лиму, отдал бы Светлану какому-нибудь недругу нашего демона.

Хозяин перевел дыхание. Видимо, не часто ему приходилось выступать в роли лектора.

— Причем, заметьте, пока версия соответствует настоящему ходу событий и весьма логична. Что же далее?

Конкуренты Франческо — маги, как видно, с богатым воображением — утверждают,

что Лим с подачи друга-нага, тайно мечтавшего стать новым Распределителем, сделал так, чтобы в деле «Скользящего по талантам» главным подозреваемым стал старик-нефилим. А дабы на суде пернатый не смог обелить себя — просто-напросто убил его.

— А как же показания Йожа и Стасиса? — вырвалось у меня.

— А эта парочка, как ни странно, после судебного процесса словно в воду канула. Теперь их показания нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Следователь же, отвечающий за пересмотр дела и выдвинувший обвинения против тебя и рыжего, считает, что Лим их просто подкупил. Чего не сделаешь ради любви? К тому же Стасис ведь утверждал, что Светлана погибла на его глазах, а она, то есть ты, жива и невредима — это еще одно доказательство ложности его показаний.

Я слушала Ростислава, и мне становилось плохо от осознания того, как чей-то извращенный ум сумел вывернуть правду наизнанку. Получалось, что Лим подстроил смерть, а то и лично убил Распределителя и сделал так, что его любимая для всех официально умерла, а значит, исключена из места передержки чародеек до замужества (как метко окрестил институт хозяин квартиры). А дальше, согласно их логике, дело осталось за малым: путь расчищен, и опустевшее место должен занять друг Лима — Франческо. Наг в новой должности закроет глаза на молодую супругу рыжего и на то, что их брак заключен уже тогда, когда жених давно и прочно миновал возраст распределения.

Из размышлений меня вернул голос Ростислава:

— А теперь вернусь к «почему». Правда, как ни странно, но это для данной истории плохо. Она — фундамент и каменные опоры к их лжи. А правды здесь много. То, что Лим тебя безумно любит, — это раз. Ты скрылась под чужим именем и инсценировала свою смерть — это два. Йож и Стасис невольно дали неверные показания на прошлом суде — это три. Факты, конечно, вещи неоспоримые, но их подача...

— А если я приду к инквизиторам и дам показания...

— То им будет грош цена, — жестко оборвал меня Дейминго. — Со стороны это будет как ложь во спасение. Так что даже не думай.

— И что же остается? — подвела я неутешительный итог.

— Найти того, кто играет против Франческо. Повержен вождь — ворота крепости открыты и вчерашние узники свободны.

— Это если вождь один. В случае стовора нескольких...

Старики еще говорили меж собой, а я уже выпала из реальности. В голове все крутилась фраза о номинальности всех нынешних кандидатов. Оттого вопрос Дейминго, столь созвучный моим мятежным мыслям, заставил встрепенуться:

— А если мы найдем того, кто будет не просто номинальным, а реальным Распределителем, с сильным даром?

Ростислав раздраженно бросил:

— А ты знаешь, что это вообще за дар? Чародеи с талантом рассчитать вероятность рождения детей со способностями или без «дикой магии», выбрать из сотен тысяч оптимальное сочетание генов.

На этот раз я перебила хозяина квартиры:

— Так бы сразу и сказали, что нам нужен маг с даром супергенетика! Если надо — то такого достанем хоть из позапрошлого века.

От такого заявления Дейминго аж поперхнулся, а Ростислав неожиданно захохотал, а потом совсем не к месту добавил:

— А мне нравится эта бедовая девчонка. К тому же, если она столь сильная временница, твою идею, друг, вполне можно воплотить в жизнь! — И уже обращаясь исключительно ко мне, спросил: — У тебя как с итальянским языком? А то придется для начала изобразить любовницу одного моего знакомого.

Что имел в виду хозяин квартиры, я сначала не поняла. Из расспросов и уточнений выяснилось, что этот престарелый авантюрист (ибо на логически выверенный план его идея походила так же, как борец сумо на балерину) решил, что искать нужно самого-самого талантливого, по дару не уступающего бывшему Распределителю. На резонный вопрос Дейминго: «Где мы такого найдем? Пернатый же наверняка беспокоился об устранении конкурентов не один год» — его пройдоха-друг тут же нашелся с ответом: «Как где? Конечно же, в хрониках магического синода!»

На это заявление ненаглядный свекоружка икнул так выразительно, что закралось подозрение: что-то с этими хрониками не так.

Я как в воду глядела. Началось все с того, что после заявления хозяина квартиры об этих самых синодских писульках на свитках старики ввязались в ожесточенный спор о том, как их добыть. При этом Ростислав выразительно поглядывал на меня, сначала намеками, а потом и открытым текстом заявил, что нынешний хранитель исторических реликвий — сластолюбец, и проще всего будет подобраться в магическое хранилище исторических манускриптов (и прочих эпистолярных изысков древности), соблазнив этого оборотня.

— А при чем здесь итальянский? — среди шквала вопросов, перемешавшихся в голове, словно добротнo перетасованная колода карт, вытянула самый, как мне казалось, простой.

— А при том, дорогая невестка, — от последнего слова Дейминго скривился так, будто был заядлым трезвенником, впервые продегустировавшим чарку первача, — что этот хранитель, как и сам магический синод, находятся в Риме.

— *Mortuus*, — прошептала я чуть слышно то первое слово, которое запомнилось мне на вводной лекции по латыни.

— Не *mortuus*. Итальянский вариант — *morto*, — педантично поправил меня Дейминго. — И при чем тут покойник, кстати?

— Это я про вас. Как только вытащим Лима из инквизиции, вы оба — покойники. Потому что предлагать невесте, едва успевшей стать женой, завести любовника при живом муже...

Осеклась, не договорив, ибо на мое заявление свекор неожиданно широко улыбнулся.

— Я так понимаю, что ты согласна найти нового Распределителя? — перебил он меня.

— Если это единственный способ спасти Лима, то да.

Это было сумасбродство чистой воды. Я поняла и приняла данный факт еще тогда, когда старики обсуждали план нашей эскапады, сидя на кухне. Но всю глубину авантюры осознала лишь в самолете, под завязку набитом русскими туристами.

Что такое наш человек, летящий в отпуск за границу, стало понятно в тот самый момент, когда двое любителей горячительного (чей вес в сумме вполне способен переплюнуть телеса гиппопотама) начали носиться по салону, пытаясь раскачать самолет. Не сказать, что это им совсем не удалось. Определенного эффекта они все же добились, как то: зеленого лица от природы смуглой молоденькой итальянской стюардессы и выскочившего из кабины ошалелого второго пилота. Спасла положение русская, нет, не женщина. Баба. Именно что баба: дородная, статная, могучая, как копна сена. Ее грудь гордо выпирала вперед не хуже,

чем бивни у мамонта. Она встала со своего места и, потрясая кулаком, который не у всякого кузнеца увидишь, на весь салон гаркнула:

— Совсем очумели! А ну сели быстро, а то щас головы поотрываю и к задницам пришпандорю!

Как ни странно, но мужики впечатлились, наверное, не столько смыслом угрозы, сколько ее подачей. И, как-то сникнув, заняли свои места.

— Вот это женщина... — то ли в восхищении, то ли в изумлении протянул Дейминго.

— Да, это эталон истинно русской красоты, — только и оставалось добавить мне.

Себе же сделала мысленную зарубку, что как только выберемся из этой передрыги, обязательно сведу свекра с подобной «селянкой». Так сказать, и личное счастье родственничку устрою, и отомщу. На мгновение подумалось, не слишком ли это жестоко, но с другой стороны... Этот престарелый циник привык к светским стервочкам, а тут — цельный пласт широкой, открытой русской души, чуждой корысти. Может, с такой жинкой и в нашу с Лимом жизнь лезть перестанет.

Но эта мимолетная мысль тут же исчезла, стоило самолету, заложив вираж, начать по спирали снижаться. Нас ждала родина барокко, опьяняющая сознание туриста своеобразием и числом церквей на квадратный ватиканский метр.

Римский магический синод и хранитель свитков даже не подозревали, что в эти самые мгновения в одном из аэропортов приземляются две крупные неприятности (и не только современности). Одна из них — молодая зеленоглазая брюнетка и вторая — поджарый седовласый джентльмен с надменным выражением лица.

Проще всего было попасть в Вечный город по туристической визе, что мы с Дейминго, собственно, и сделали. Меня, до этого ни разу не бывавшую за границей, поражало многое. Но больше всего — собственные соотечественники.

Так, пока наша группа оформлялась на ресепшене, юркий портье попытался взять чемоданы у одной супружеской пары. Давно супружеской. Лет этак двадцать: он — с пивным животиком и в майке, заправленной в необъятные шорты, она — в балахонистом платье и шляпе, поля которой могли посрамить пляжный зонт. Глава семейства жутко возмутился самоуправству какого-то итальяшки в костюме гусара, который, по его мнению, трижды пытался спереть его чемоданы.

Наконец шумная и беспощадная в своем стремлении проникнуться загадками древнего Рима толпа российских туристов, полноводной рекой растекшаяся по фойе, начала убывать: наши люди расселялись по номерам. Наконец-то очередь дошла и до племянницы с дядей — то бишь нас со свекром. По новым документам, добытым Ростиславом, паспортные данные соответствовали нашим истинным гендерным признакам.

Как только мы зашли в номер, Дейминго небрежно бросил:

— Располагайся, а я пока в душ.

«Даже не поинтересовался, может, мне туда тоже хочется», — подумала с досадой и начала разбирать свой скудный багаж. Тишина почему-то раздражала, и я решила разбавить ее хоть чем-нибудь, да даже милым телевизионным щебетом, и потянулась к пульту. Покрутив в руках увесистый «кирпич» удивилась его размеру и числу кнопок. Ткнула наугад, направив пульт на плазменный экран. Ничего не произошло. Ткнула еще раз, потом еще.

Итогом моих научных изысканий по принципу интуитивного эксперимента стало то, что уже через пять минут в номере были стюард, уборщица, официант, служба спасения и выскочивший из душа свекор, в пене и прикрывающийся спадающим полотенцем. Причем,

судя по размеру, Дейминго схватил первое попавшееся под руки, и было оно ему явно маловато. Прибытие делегатов проходило под какофонию из воя пожарной сирены, шума работающего на максимуме кондиционера и орущего телевизора.

— Ой, — выдохнула я, сообразив, что это был не просто телевизионный пульт, а блок управления.

Первой пришла в себя уборщица (была самой опытной из всех вызванных), уже миновавшая бальзаковский возраст итальянка. Она величественно сунула метелочку для пыли под мышку, прошла мимо онемевших спасателей, баюкавших на руках огнетушители, и начала тыкать на кнопки, что-то бормоча себе под нос. По ее уверенным движениям было видно, что делала она это не впервой, да и вообще, для русских туристов это чуть ли не ежедневное развлечение.

Когда все (кроме свекра, который был в мыле во всех смыслах этого слова) покинули номер, Дейминго задал один-единственный вопрос:

— Я все понимаю, пытливый женский ум и все такое... Но как ты умудрилась сделать так, что меня в душе начало бить током?

— Это сантехническая магия, — нашлась я, вспоминая вековые традиции строителей, которые могут сделать все что угодно, с помощью цемента, кирпичей и мата.

Похоже, свекор уже начал привыкать к некоторым национальным особенностям (а может, посчитал, что нервная система дороже) и лишь махнул рукой. Развернувшись, он пошел обратно в ванную и, уже дойдя до дверей и полуобернувшись, бросил:

— Хотя бы полчаса посиди тихо.

Увы, порою для деятельной натуры это невыполнимое задание. К тому же живот руладой напомнил: пора бы разжиться чем-то посущественнее чашки кофе, которая десантировалась в него восемь часов назад. А потому я тишком, как заправский итальянский «бандито», на цыпочках двинулась к дверям. Время было вечернее и, судя по часам, шведский стол, как пунктуальный возлюбленный, уже должен был быть готов к гастрономическому рандеву с туристами.

Филиал храма чревоугодия располагался внизу. Показав браслет на входе, я с вожделением воззрилась на еду и взяла пустую тарелку. Подходя к столу, краем уха слышала возмущенное: «Безобразие, не дают вынести еды впрок» — с явным окающим акцентом и одесское: «Шо, и мангал даже в номер не разрешили пронести? Никакой культуры и уважения к гостям!» Решив более не обращать ни на что внимания я ринулась к горке канапе, как Суворов к Альпам.

Голод подстегивал, и глаза хотели вкусенького больше, чем желудок. Потому моя тарелка в мгновение ока наполнилась закусками. Увы, лишь только я начала наслаждаться кулинарными изысками, подкатила тошнота. Запахи, еще мгновение назад дразнившие обоняние, вдруг стали неприятны, и я резво устремилась к дамской комнате.

Отпустило меня минут через пятнадцать. Уперев руки в бортики умывальника и глядя в свое отражение, вслух произнесла:

— Я отравилась. Это наверняка отравление. Или просто несварение. Или просто реакция на перелет. Или новую еду...

На меня смотрело враз осунувшееся лицо с кругами под глазами и спутанными волосами. А мысли в голове лихорадочно метались: я пыталась подсчитать и... выходило, что виноваты не пережитые стрессы, голод или акклиматизация.

Чуть пошатываясь, я добрела до ресепшена и полужестами-полуфразами на школьном

английском узнала, где ближайшая аптека.

Уже спустя полчаса в трясущихся руках держала тест. Проявившаяся сразу одиночная розовая полоса вызвала произвольный глубокий вздох облегчения, а потом судьба решила поиздеваться надо мной: начала проявляться еще не яркая, но явственная вторая полоска.

— Как не вовремя...

Я прислонилась спиной к стене и застонала. Десять месяцев назад, когда золотая осень сентябрила и Лим сделал предложение, мой организм решил разыграть свою хозяйку: основательная задержка наводила на мысль о скором материнстве.

Помню, как мой несносный демонюка обрадовался, не успела я договорить о своем предположении, и как спустя несколько дней переспрашивал у сестры в лаборатории, уверена ли она, что гормональный анализ отрицательный.

В тот раз врачи лишь развели руками, выдвинув предположение, что всему виной мог быть сильный стресс. Насколько сильный, ни я, ни Лим уточнять не стали, но оба прекрасно понимали, что переживаний было выше крыши.

Единственное — после случившегося любимый первые пару месяцев с затаенной надеждой, а потом с каким-то отчаянием ждал от меня пяти заветных слов: «Кажется, ты скоро станешь папой». Он старался этого не показывать, но я чувствовала, что Лим очень сильно хотел ребенка и в то же время боялся, что никогда не сможет подержать свое дитя на руках: недаром возраст распределения — двадцать семь лет, и рыжий демонюка давно и прочно его миновал.

А я, увы, тоже отчетливо помнила слова пернатого гада: зачать ребенка с даром можно лишь до двадцати восьми — после этого срока вероятность рождения здорового потомства практически равна нулю.

Именно поэтому на нашей свадьбе было так мало пожеланий скорого пополнения: маги знали, что возраст распределения был назначен не просто так и вполне возможно, что наша семья будет состоять лишь из двоих.

И вот он, долгожданный, желанный и...

В номер я возвращалась потерянная. Пропустила мимо ушей сварливое свекра: «Я же просил...» — и, сев на свою кровать, уставилась в одну точку. Видимо, такая смена поведения обеспокоила желчного родственничка. Дейминго настороженно спросил:

— Что?

Подняла на него взгляд в раздумьях: говорить или нет? И решила:

— Разрешите вас поздравить. Кажется, спустя восемь месяцев у вас есть все шансы обзавестись двоюродным внуком.

Судя по тем метаморфозам, которые претерпело лицо старика, сею интерпретацию фразы ему доселе слышать не доводилось. Подозреваю, что бурная холостяцкая жизнь не раз подкидывала ему джокеров в виде формулировок «станешь отцом» от лямурных прелестниц, на которые у циника Дейминго наверняка были заготовлены шаблоны ответов, но дедом...

К чести родственничка, справился он быстро. А дар речи обрел сразу же после моего ехидного:

— Только не говорите, что морально не готовы и мне стоит потерпеть с беременностью пару лет. Боюсь, ваш внук столько внутри не высидит...

— Внучка, — сварливо, словно в пику мне, протянул будущий дед и под моим пристальным взглядом подавился так и не прозвучавшим вопросом: «А ты уверена, что ребенок от Лима?»

Я молчала, старик тоже не знал, что сказать, и пауза становилась поистине мхатовской. Наконец, когда, судя по приметам, родился целый полицейский взвод, свекор произнес:

— Решено. Никого ты не соблазняешь. Возможно, да нет, наверняка это будет моя единственная внучка, и рисковать твоим и ее здоровьем...

— А кто сказал, что я собралась кого-то соблазнять? — перебила я только обретшего почву свекра.

— Но как же...

— Я сказала, что помогу найти нового Распределителя, но функцию соблазнения... боюсь, мы с вами по-товарищески разделим эту почетную ношу.

— Так. Что ты задумала? — Дейминго с прищуром посмотрел на меня.

— Ну, для начала нужно взглянуть на этого сластолюбивого архивариуса.

Спустя час мы уже сидели за столиком одного из уличных кафе и наблюдали идиллическую картину: используя терминологию тени Ника, «самцовый самец в фазе активного ухаживания».

Высокий, поджарый, смуглый и настолько уверенный в жестах, что даже на расстоянии у меня было ощущение: окажись я с ним тет-а-тет, сразу бы почувствовала себя голой. Короткая стрижка, белозубая улыбка, ухоженные усы, которым хозяин уделял немалое внимание — от всего этого несло светским лоском.

Судя по тому, что держал он под ручку не трепетное нежное создание, а сеньориту, к которой бы лучше всего подошло определение «инфернальная красавица», привлечь внимание этого оборотня окажется непростой задачей.

Укротительница мужчин в красном длинном платье величественно повела плечом и, слегка наклонившись, прошептала что-то оборотню на ухо.

Я начала перебирать в уме уроки Нарин Браскес, печальной красавицы, преподававшей в институте чародеек, как оказалось, один из самых востребованных в жизни женщины предметов.

С ее слов, мужчины делились на несколько категорий: к первой относились этикие альфа-вожаки. Чтобы таким понравиться, достаточно просто без усталости смотреть им в рот, хлопать глазками в стиле Барби и каждые пять минут восхищаться их достоинствами, приходить в щенячий восторг от их глупостей. Быть супермоделью при этом не обязательно. Впрочем, и мимо дурнушки они пройдут не взглянув. Как ни странно, но покорить оных легче легкого, ибо надутый павлин не видит дальше своего хвоста.

А вот со лжецами нужно держать ухо остро. Помнится, Нарин привела яркий пример — вождя пролетариата, который жене сказал, что пошел к любовнице, любовнице — что к жене, а сам удрал на чердак — печатать «Искру». С этими сложно и практически невозможно, если женщина глупа. Так сказать, интеллект бьет интеллект.

Самостоятельных распознать просто: тоже лидеры, но не требуют от женщин ежеминутного поклонения. Но упаси небо таким перечить. Он все знает и решает за тебя. И в голове у них часто сидит эталонный стандарт как внешности, так и поведения. Главное понять: блондинки ему нравятся или брюнетки, пухленькие или худенькие. Сумела угадать его «критерии идеальности» — остальное не важно. Он будет твоим, ибо уверен, что выбрал сам.

Как ни странно, но и жиголо видно сразу: много пыли и показухи. Влюбить в себя такого можно всего лишь одной фразой, в которой фигурируют слова «мой счет» и

шестизначное число.

Также существуют джентльмены, что воспеты Викторианской эпохой. Они глуповаты и убеждены, что компетентны во всем, когда на деле не знают ничего. Но неоспоримое их достоинство — всегда ринутся на спасение дамы. Чтобы завоевать такого, достаточно изобразить жертву обстоятельств. Причем степень влюбленности будет напрямую зависеть от невинности взгляда и мольбы в голосе.

Педанты убеждены, что обладают массой скрытых достоинств, но на деле это скандалисты и скряги. Они приходят в детский восторг, когда видят перед собой не женщину, а помесь компьютера с домработницей, которая может за минуту набросать многоходовую схему ухода от налогов через офшоры и при этом содержит жилье в идеальном порядке.

Увы, архивариус не относился ни к одной из этих категорий. Он принадлежал к группе мужчин, которую Нарин выделила особо, заставив подчеркнуть в наших конспектах. Он был бабником, да не простым, а донжуаном. Ему недостаточно было просто переспать, нет. Его цель — влюбить в себя, и не какую-нибудь простушку, а женщину роковую, рисковую, отчаянную. Покорить ее, как Килиманджаро. Но как только крепость пала, как только вчерашняя гордячка готова бросить все и вся к ногам любимого, он поворачивается к ней спиной, чтобы наметить иную вершину.

Сейчас я смотрела на оборотня и обдумывала, что можно подсунуть под нос этому прожженному ловеласу, чтобы он заглотил наживку.

— О чем мечтаешь? — вопрос Дейминго вывел меня из оцепенения.

— Набрасываю свое римское резюме, — ответила почти машинально, в то время как в голове созрел дерзкий и весьма эксцентричный план.

— И что же в нем?

— В нем я — русская туристка, отчаянно скучающая дочь мага, увы, напрочь лишенная дара. Мои поступки невозможно понять и предсказать. С легкой сумасшедшинкой.

— И это может его заинтересовать? — с сомнением уточнил старик.

— Да, если при первой встрече наступить на хвост самомнению этого блохастого.

— Оборотни очень чутки к фальши... — с сомнением протянул Дейминго, глядя на скрывающуюся за дверьми ресторана пару.

— В курсе... но постараюсь быть крайне убедительной. А пока нам стоит угнать кабриолет.

Мой собеседник поперхнулся соком, который имел неосторожность отпить в этот момент.

— Зачем и как, спрашивать, я так понимаю, не имеет смысла, — протянул демонюка, и его хвост недовольно застучал по ножке стула. Но никто из посетителей на нас даже не обернулся. Причиной тому был заряженный под завязку маскирующий амулет, отданный Ростиславом, который мог скрыть не только рога и излишне нервную конечность.

— Ну почему же... я собираюсь его разбить, — оптимистично заявила родственничку. — Но только завтра. А пока — наблюдаем.

Глава вторая

Русский гамбит

Рим, май 2018 г.

Свекор ворчал. Нет, не так. Он тихо закипал. Как же: ему, аристократу в n-м поколении, и придется изображать служащего отеля, мальчика на побегушках, отгоняющего авто гостей.

— А менее эффектного способа знакомства тебе придумать было нельзя? Столкнулась бы случайно с Адриано, всплеснула руками, рассыпала к его ногам содержимое сумочки... Он бы обратил на тебя внимание, — попытался продвинуть менее болезненную для своего самолюбия версию знакомства старик.

— Только при условии, что из моего клатча при столкновении выпадет гранатомет, ибо сногсшибательной внешностью, увы, не обладаю. А запоминаются при встрече или образ, или обстоятельства этой самой встречи, — парировала я, прекрасно понимая, что такой тип мужчин, как этот архивариус, мимо обычного пройдет с вежливым интересом. — Увы, заурядное, типичное его не интересует.

— А может... — в последний раз попытал счастье свекор.

— Вместо гранатомета — гаубица «Акация»? — с милой улыбкой предложила я.

— И откуда ты так в военной технике разбираешься? — решил перевести тему разговора Дейминго, так смирившись с уготованной ему участью.

— А просто названия интересные. У других стран они такие солидные и потому не запоминаются, а вот российские, те же «Акации» или «Гиацинты», словно в насмешку над противником: запустили боеголовки с намеком — оцените аромат. А чего только стоит название гранаты — «Подкидьш» или огнеметной системы — «Буратино».

— Да уж... И на ком мой племянник женился?

— На изобретательной девушке, — оставалось лишь пожать плечами и пожелать «легкой службы» свекру.

То, с каким видом Дейминго отправился «отгонять» авто, заслуживало кисти Репина, ибо его «Бурлаки на Волге» по сравнению с демонюкой были полны оптимизма и жизнерадостности.

Вспомнила спеленатого скотчем не далее пятнадцати минут назад невольного дарителя униформы: служащий отеля был обмотан клейкой лентой и напоминал скорее бабочку тутового шелкопряда в коконе, нежели связанную жертву mafia russa.

Несчастный итальянец лишь печально промычал мне в ответ, когда я начала запирать дверь одной из подсобок гостиницы. Ну да, а кому хочется вляпаться в неприятности по самую маковку? В том, что он в них влип, служащий уже понял. Хотя сам отчасти виноват: незачем было отлучаться с рабочего места. Пусть и в туалет. Пусть даже если очень хотелось.

Свекор вырубил парнишку в одно мгновение, но грубо. Я, признаться, думала, что Дейминго заломит ему руки или, на худой конец, скрутит каким-нибудь приемом. Увы, родственничек был банален: просто оглушил, ударив руками, сцепленными в замок, в основание черепа. А на мой удивленный взгляд лишь заявил, что профессиональным вором униформы он не занимался и это была его дебютная импровизация.

Выйдя из здания, призадумалась. Пока демон решает вопрос со средством знакомства, мне тоже стоит подготовиться. И встал извечный женский вопрос: что надеть?

Судя по увиденному, с этим Адриано мини-юбки и топчики-полоски стоит отместить сразу — не тот случай. Не клюнет он на такое: слишком вызывающе, слишком предлагая себя. А вот белое платье в стиле Мерилин Монро с пышной юбкой и открытой спиной — вполне. Образ довершили туфли на шпильке и прическа, которая, несмотря на свою естественность, потребовала изрядно времени на укладку.

Когда шла к назначенному месту встречи со свекром, поймала взглядом свое отражение в витрине: миниатюрная, женственная, уверенная в себе, но с печалью в глазах.

«Так не пойдет», — дала себе мысленную затрещину. Повернулась к стеклу всем корпусом, опустила веки и крепко зажмурилась. Взгляд. Такой никуда не годится. Я начала перебирать воспоминания, как бусины на четках, стараясь отыскать в памяти самые яркие моменты. Почему-то сознание подкинуло эпизод первой встречи, когда я тягала за хвост Лима, а он усердно вырывался. Его негодование, мой страх и всю абсурдность ситуации в целом. Не поднимая ресниц улыбнулась, а где-то в груди родилась волна тепла. Широко открыла глаза. То, что надо. Во взгляде поселилась чертовщинка. Ну все, Адриано, или как там тебя, держись. Когда влюбленной женщине есть за что бороться, для нее нет преград.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

С этими словами Дейминго вручил мне ключи от раритетного кабриолета, который был представителен, но весьма неудобен: никакой коробки-автомата, полная механика и нет даже намека на то, что в случае дождя у авто есть поднимающаяся крыша. Возможно, для истинных коллекционеров эта машина и была черным бриллиантом в сто карат, но для меня, увы, она по удобству управления недалеко ушла от вазовской «копейки».

— А я-то как на это надеюсь... Вы страхуете.

— Обязательно, — Дейминго был собран и серьезен, но, как в дальнейшем выяснилось, больше обеспокоен судьбой машины, нежели моей: — Ты постарайся ее поаккуратнее. Все же как-никак кабриолет Aston Martin 1954 года выпуска.

Название мне ровным счетом ничего не сказало, кроме того, что машина — жуткая древность и раза в три старше меня. О чем я и не преминула сообщить.

— Да ты что! — возмутился свекор.

После этого его пылкого высказывания уверенность в том, что мой родственничек увлекается четырехколесной рухлядью, из категории «может быть» переросла в «наверняка». Дейминго же, распаляясь, продолжил:

— Да ей ремонт даже без надобности!

— Потому что бесполезно? — невинно уточнила я.

Демонюка, на поверку оказавшийся рьяным автолюбителем, воздел перст к небу, призывая его в свидетели своего буддийского терпения:

— Что ты понимаешь вообще! Ты только посмотри: это же не машина — зверь!

«Да-да, так же громко ревет и так же медленно подкрадывается», — мысленно завершила вместо свекра окончание его фразы. Ни о чем не подозревающий родственничек же вешал:

— А ее дверцы... дверцы. Они же захлопываются легким движением руки!

В этот момент я как раз попыталась открыть машину, но последняя упорствовала. И хотя я не желала более злить старика, но само собой вырвалось:

— Ага... и отпираются несильным нажатием лома.

Дейминго, видя мои потуги, оттер локтем в сторону и, с силой нажав на ручку, отпер дверь.

Когда я усаживалась за руль, краем уха услышала:

— Всегда считал, что женщинам можно доверять управление только двумя машинами: стиральной и посудомоечной...

От этого его незлобного бухтения почему-то захотелось улыбаться. Несмотря на весь свой аристократизм, сейчас свекор напомнил мне обычного пенсионера. Ибо у почтенного возраста есть одна особенность: и граф, и садовод-огородник с патиссоном под мышкой ворчат абсолютно одинаково, думая, что окружающие их не слышат.

Посмотрела в зеркало заднего вида, повернув ключ зажигания. Взглянула на закатное солнце и отбросила лишние мысли. «Вперед. Вперед с широкой улыбкой, за которой не видно боли потерь», — приказала сама себе.

Одна нога плавно отпустила педаль сцепления, в то время как вторая добавила газа. Я выкрутила руль и тронулась с места.

Вчера наш архивариус провел в ресторане с красоткой ровно два часа. Сегодня пассия была уже другая. Но думается, что временной интервал у заядлого сердцеда выверен.

Я оказалась права. Едва только повернула за угол, как увидела парочку, садящуюся в машину архивариуса.

«Так, придется действовать. И прямо сейчас. Стремительно, по-суворовски», — подумалось вдруг. Помнится, знаменитый полководец съехал на копчике с Альп, когда его совсем не чаяли увидеть. Чем я хуже? Не ждать же с угнанной машиной до завтрашнего утра, пока этот Адриано «напокоряется» очередной вершины?

Посему вжала в пол педаль газа, вцепилась в руль. Как только черный «Лексус» начал выезжать — со всей силы протаранила его. Кабриолет был стар, а потому верен железным, а не пластиковым традициям. Сильный удар, выбивший из легких воздух, от которого ремень врезался в грудь, оцарапал капот антикварной колымаги, выбил фары, но ее корпус, как ни странно, был почти не помят.

Машина же архивариуса напоминала яйцо, сваренное «в мешочек» и хорошо обколоченное. Вой сработавшей сигнализации, осколки, выкрики прохожих...

Увы, времени на рефлексию не было. Внутри меня словно включился секундомер, отмеряя мгновения, что отпущены мне для женской атаки на шокированный мужской организм.

Решительно отстегнула ремень и, отринув опять заевшую ручку двери, просто перемахнула через дверцу. Юбка при этом на долю секунды взметнулась непозволительно высоко, явив взору выходящего хранителя всю длину моих пусть и не длинных, но стройных ног.

Его спутница, не обладавшая таким проворством, все еще была в салоне покоренного «Лексуса».

Я, не обращая внимания на оборотня, перегнулась через дверцу и потянулась за сумочкой.

Когда резко выпрямилась и обернулась, то уперлась в грудь Адриано.

— Синьорита не пострадала? — баритон с волнующей хрипотцой заставлял, надо полагать, учащенно забиться не одно женское сердце.

Амулет-транслинга, который одолжил Ростислав, старательно перевел фразу.

— Ничуть, — я понимала, что еще немного — и этот самец возьмет инициативу на себя. Посему поспешила перебить: — Вы, как я вижу, тоже. Досадно, конечно, за произошедший пустяк, ну да ладно, поймаю такси.

И больше не говоря ни слова, стремительно развернулась, готовясь покинуть поле боя.

И ожидаемо была поймана за руку.

— Не так быстро, bambola^[1].

Я обернулась и, широко улыбнувшись, со всей силы постаралась припечатать каблуком по щиколотке оборотня, искренне надеясь на хваленые рефлексy хвостатой братии. Если бы удар достиг цели, гордость Адриано мне бы этого не простила. Но оборотень не сплеховал, резво отдернув ногу.

— И с характером... — протянул он, втягивая ноздрями воздух рядом с моим лицом.

С вызовом посмотрела на него. Поединок взглядов. Стилет против финского ножа. Глаза в глаза. Сколько мгновений это длилось — судить не берусь, но молчаливую дуэль нарушило капризное:

— Адриано... — говорящая, увидев нас, осеклась.

Оборотень же нехотя отвел взор и бросил в сторону:

— Да, дорогая?

Я же понимающе улыбнулась и протянула, глядя попеременно то на спутницу оборотня, то на его руку, которой он схватил меня:

— Женщины как машины: хочется то ту, то эту...

Архивариус, словно обжегшись, отдернул руку.

Флиртовать — это все равно что ходить по грани между «любить» и «беззастенчиво врать». Увы, в этом нелегком искусстве я была скорее теоретиком, нежели практиком. Но все же вызов, брошенный мною, Адриано принял, не иначе как повинувшись первобытному азарту покорителя, и вернул мне фразу:

— Ну, я хотя бы точно знаю, какую машину... — он провокационно замолчал на мгновение, а затем продолжил: — И не только ее... желаю. А вот девушки... вы почти всегда не знаете, чего хотите, но всеми средствами добиваетесь этого.

«Да уж, крепкий орешек, — я оценила провокацию оборотня, — его одними разговорами не зацепишь. Значит, будем выбивать почву из-под ног действиями».

Мельком взглянула на светофор у перекрестка, что был шагах в тридцати от нас. Зеленый сигнал для пешеходов здесь горел по привычным меркам долго — около сорока секунд между сменой цветов. Отлично. «Должна успеть», — решила для себя. И начала безмолвный отсчет.

— Значит, у вас небогатый опыт по части общения с девушками. Я, например, точно знаю, чего хочу на данный момент.

С этими словами взяла ладонь Адриано и вложила в нее ключи от своего кабриолета, а потом пояснила:

— Будьте любезны, отгоните этот «Aston Martin» хозяину, а то мне немного не с руки. Я его не далее как полчаса назад угнала...

Пятнадцать секунд.

Выдержка хранителя дала сбой. Он замер с поднятой ладонью, в которой в заходящих лучах солнца поблескивал металл ключей. Я же, пользуясь заминкой, развернулась и поспешила прочь. Как раз вовремя: излишне манерная спутница оборотня, обогнув покореженный «Лексус», устремилась к своему (как ей наивно казалось) бойфренду.

Я же, отойдя на некоторое расстояние, полуобернулась и крикнула:

— И да, если вас не затруднит, поправьте вмятину. Вы же маг.

Двадцать секунд.

Все — Адриано заглотив наживку. Он, буквально вырвав руку у повисшей на его локте красавицы, устремился вслед за мной. Причем устремился невероятно быстро, по звериному... слишком резко для обычного человека.

— Пойдите, как...

Его лицо вмиг оказалось достаточно близко, в паре метров от меня, чтобы я смогла разглядеть вытянувшийся зрачок, пожелтевшую радужку глаза, заострившиеся черты лица. Похоже, что в попытке догнать ускользающую добычу Адриано увлекся настолько, что использовал свою звериную ипостась.

Тридцать секунд.

Опередила окончание его фразы «... вас зовут?» (надо полагать, ставшей банальной еще со времен сказки про Золушку) насмешливым:

— У вас, синьор, налицо частичная трансформация. Да вы никак оборотень... ай-ай... а с виду такой приличный мужчина.

Сорок секунд.

«Пора», — мысль хвостатой кометой пронеслась в сознании. В это же мгновение загорелся зеленый свет. Танцующей походкой ступила на зебру и прошла уже чуть дальше середины, когда мне вслед донеслось:

— Видишь через морок? Ты чародейка? — то ли удивленно, то ли восхищенно протянул он. — Но я не чувствую в тебе магии.

«Еще бы, Эль-Тариш — временной артефакт, доставшийся в наследство от бывшего Распределителя, впитывает любые проявления магии», — мысленно прокомментировала я, вслух же произнесла абсолютно иное:

— Лишние знания — лишние заботы.

Внутри скручивалась пружина: осталось двадцать секунд до смены сигнала. Рефлексы, выработанные еще с детства у меня, как обывательницы мегаполиса, требовали перейти на противоположную сторону улицы, пока поток автомобилей удерживает иллюзорный сигнал.

Но не двигалась, кожей ощущая: еще один шаг, и этот оборотень сорвется, в несколько прыжков покроет разделяющее нас расстояние. А мне нужно срочно исчезнуть.

Красный двухэтажный автобус стоял на крайней полосе, практически там же, где и я. Машинально отметила, что удача сегодня на моей стороне. Будет несколько мгновений форы.

Улыбнулась, поймала его взгляд.

Тридцать семь секунд.

И тут понимаю, что время словно замедляется. Без магии, без заклинаний. Просто я начинаю жить, ощущать, чувствовать на порядок быстрее. Звуки становятся приглушенными, все краски — смазанными, воздух будто густеет.

Его нога перешагивает бордюр, наступая на первую полосу зебры.

Раз.

Мои губы медленно открываются, произнося: «Ciao».

Два.

Предупреждающий сигнал клаксона одной из машин, на который непроизвольно оборачивается Адриано.

Три.

Поток автомобилей пересекает стоп-линию.

Хранитель разворачивается в прыжке и выбрасывает руку, кастюю закливание. На меня несется автобус. А я смотрю на него и, беспечно улыбаясь, закрываю глаза.

Незаметный шаг назад, и красный корпус, вместо того чтобы сбить, разделяет меня и Адриано.

Все, сбрасываю маску безмятежности, чувствуя себя помощницей фокусника, которой необходимо в два счета спрятаться во втором дне ящика.

Водитель машины, что шла параллельно, скрытая автобусом, истерично жмет на тормоза. Счастье для одной — беда для другого.

Но для меня то, что должно длиться всего пару мгновений, растягивается на минуту. Не мешкая, резко открываю дверь еще тормозящей машины и буквально ныряю внутрь салона «Пежо».

Лицо водителя — солидного мужчины в годах — вытягивается, когда я молниеносно наставляю на него пистолет, при этом лежа на заднем сиденье.

— Гони! — кричу опешившему невольному таксисту.

Мужчина, не иначе как в состоянии шока, жмет на газ, и автомобиль рвет вперед.

Время убыстряется, входя в привычный ритм. Шум дороги становится громче. Меня ощутимо затрясло.

— Куза нустра? — спустя пару минут осведомился мужик, обливаясь потом.

— Козб, козб, — ответила, машинально ставя привычное русскому слуху ударение.

Авто ехало со средней скоростью потока, ничем не выделяясь, и меня это вполне устраивало.

— Поверни на следующем светофоре, — протянула устало, сдувая прядь, упавшую на лоб.

Как только машина совершила маневр, выпрямилась на сиденье и убрала пистолет в сумочку. Водитель сглотнул и заметно расслабился. И спрашивается, чего мужик испугался? Этот пластиковый муляж, впрочем, весьма правдоподобный, был куплен мною в игрушечном магазине не более двух часов назад на всякий случай (а вдруг одним столкновением Адриано не впечатлился бы?).

Как оказалось, вид крашенного под металл полимера был способен не только удивить. Он послужил отличным помощником в переговорах: владелец авто понял меня с полуслова.

Оправила юбку, декольте и мило прощebetала:

— Через два квартала высадите меня.

Как только я вышла из машины — милая миниатюрная брюнетка в белом пышном платье, — ничто в моем облике не говорило о пережитой аванюре.

«Пежо» же, едва я покинула салон, рванул с места не хуже болидов Формулы-1.

«Кажется, первая часть знакомства прошла успешно», — подвела я итог эскапады. Ноги едва держали, а желание выпить крепкого, сладкого, холодного чая или на худой конец кока-колы было нестерпимым.

Побрела вперед без особой цели, скорее в попытке действием заменить мыслительный процесс. Думать совершенно не хотелось. Взгляд метался по брусчатке узкой улочки, по желтым стенам домов, которые, словно впитав солнце, делились лучистым теплом с прохожими, по полосатым тентам уличных кафе. Город жил, город дышал южной беспечностью в ритме тарантеллы.

Площадь с величественным палаццо появилась неожиданно, вынырнув из-за угла

очередного дома. Хохот, радостные крики, шелканье фотоаппаратов — все это оглушило пестротой и наготой неприкрытой радости. Туристы и коренные жители, артисты-жонглеры, музыканты, художники. Эта толпа была олицетворением самой жизни. И мне захотелось хоть ненадолго окунуться в атмосферу музыки фонтанов Вечного города, вдохнуть полной грудью его пьянящий аромат свободы.

Подошла ближе, чтобы разглядеть его — царственный в своем естестве и величии фонтан. Античный бог — не иначе Нептун — выезжал из центральной ниши дворца на колеснице в виде раковины-жемчужницы, которую тянули тритоны и морские коньки.

Подошла поближе. Голубая вода, стекая в чашу, шептала о чем-то своем. Четкий, поставленный дикторский голос экскурсовода заставил невольно прислушаться.

— Это фонтан «Триви». До 1453 года он имел три чаши. Впоследствии его отреставрировали и установили одну чашу, в которую собиралась вода из трех труб. Фонтан стали называть «Тривио», то есть перекресток трех дорог, ведь он располагался как раз на пересечении трех улиц. Ныне существует примета: если бросить монету в воду через правое плечо, загадав желание, то оно обязательно сбудется.

Вслед за этими словами группа вальяжных то ли немцев, то ли финнов неспешно развернулась спинами к фонтану. В воде раздался дружный бульк: по моим прикидкам итальянская казна только что обогатилась минимум на десятку евро.

Туристы ушли, а я в задумчивости уставилась на фонтан. В голову пришла шальная мысль: «А чем черт не шутит?» Достала монетку и, повторив нехитрый жест, обернулась, чтобы увидеть, как кругляш упадет в воду.

Вот говорят, что удача улыбается смелым. Но то ли я трусиха, то ли она решила надо мной откровенно поржать — моя монетка, описав красивую дугу, приземлилась аккурат в рот одному из тритонов.

Мне стало обидно: ни эфемерной надежды на исполнение мечты, ни евро... Недолго думая, скинула туфли и... мои ступни коснулись дна фонтана. Почему-то возникло чувство, что эту несчастную монету мне нужно достать во что бы то ни стало.

Народу вокруг было много, но блюстителей порядка, на мое счастье, — ни одного, а посему я, воровато обернувшись, полезла штурмовать колесницу Нептуна. Пасть тритона я облапала не хуже, чем охранник в ночном клубе приглянувшуюся ему красотку. Но монета просто так не желала покидать чрево мраморной твари. Пришлось засунуть руку чуть ли не по локоть.

Командный окрик «Синьорита!» заставил вздрогнуть, не задумываясь сцапать кучу ила и сигануть с исторического памятника.

Увы, зря я понадеялась, что на мою выходку не обратят внимания. Конная полиция Рима бдела. А посему я с туфлями в одной руке, горстью ила в другой и сумочкой под мышкой, продефилировала по чаше фонтана на крейсерской скорости (окатив зевак кучей брызг), взобралась на бортик, прыгнула и задала стрекача.

Увы, преследовать нарушительницу порядка на лошадях сквозь толпу туристов оказалось для стражей закона задачей непосильной: они не только не догнали меня, а даже не смогли пересечь площадь.

Я же, пробежав немного по одной из улочек, сочла, что милое кафе — то, что нужно несчастной, уставшей молодой синьоре.

Лишь усевшись за дальний столик так, чтобы с улицы меня не было видно, разжала руку. В горсти грязи и ила поблескивал мой евро и... моя брачная сережка! Именно моя. Ее,

подаренную Лимом, я носила с гордостью и не могла спутать ни с какой другой. Чтобы удостовериться, что знак магического замужества еще на мне, машинально откинула прядь волос и нащупала украшение. Трясущейся рукой вынула дужку из мочки уха и положила на столик. Красивая, блестящая. По сравнению с выуженной из фонтана она была дебютанткой аристократического бала рядом с уличной попрошайкой... но все же. И только тут заметила: найденная крепко впилась застежкой в какой-то грязный комочек. Осторожно начала отчищать его подушечкой пальца. Спустя несколько мгновений поняла, что это вовсе не грязь, а шарик воска. Подцепила ногтем и начала его отколупывать. И на свет явилась записка, выведенная явно моей рукой: «Ищи 1584 г. Козимо Ме...» Дальше запись, увы, была размыта. Из состояния оцепенения меня вывело:

— Что синьорита будет заказывать?

Молодая, лучезарная, как лазурный берег в солнечный день, девушка в белом переднике стояла на изготовку с блокнотом и меню.

Она мельком глянула на разложенные передо мной «богатства», но ее улыбка ни на миг не исчезла.

— Д-д-да, — протянула я. — Кока-колы, будьте добры...

И только официантка собралась задать уточняющий вопрос, как я опередила:

— Впрочем нет, лучше чашку зеленого чая и ваш фирменный десерт.

— Хорошо, сейчас принесу, — девушка упорхнула, не переставая дарить тепло улыбки.

А я же, оставшись одна, произнесла, обращаясь сама к себе:

— Ну что, Света, никаких газировок, начинаем привыкать к мысли о том, что ты — будущая мама, — и невесело усмехнулась.

Увы, быть «правильной мамочкой» с самого начала заставляла скорее не внутренняя ответственность за чадо (хотя и она тоже), а и излишние знания. Как медик, прекрасно представляла, что именно на первых неделях развития даже незначительные дозы способны нанести непоправимый вред, а потому — пока стоит забыть не только о бокале красного вина, но и о чипсах с прочим фастфудом.

В гостиницу вернулась на закате.

— Вечер добрый, а я не очень, — оповестила свекра с порога.

Как оказалось, сделала это не зря, он аж поперхнулся заготовленной фразой (надо полагать, она же — отповедь).

— Спрашивать, где тебя столько времени носило, думаю, не имеет смысла? — наконец нашелся родственник.

— У вас идеально сформулированный вопрос.

— Это как? — заинтересовался свекор, барабаня пальцами по столешнице.

— Он уже заключает в себе ответ в слегка закамуфлированной форме.

Старик внимательно посмотрел на меня, а потом, словно сбросив маску надменного блюстителя порядка, просто спросил:

— Устала?

— Очень, — так же обыденно, как-то по-семейному ответила, а потом не удержалась и спросила: — И как оно было? Со стороны?

— Обычно женщина задает вопрос не для того, чтобы получить ответ, а чтобы выплеснуть свои эмоции, — хитро посмотрел на меня Дейминго.

— И это тоже. — Я села на краешек кровати и блаженно потянулась.

Даже почудилось: «А может, мы со свекром сумеем поладить?» Мыслили, во всяком случае, мы одинаково.

— Ну, что могу тебе сказать: не знай я, что это все тобой спланировано, рванул бы за столь загадочной и импульсивной незнакомкой не хуже оборотня.

— Значит, он клюнул? — задала риторический вопрос.

— Не то слово, — старик ухмылялся от уха до уха.

— А твое эффектное исчезновение... Кстати, как удалось? Я ничего не понял и чуть не поседел. — Сам себя перебил родственничек и тут же вернулся на первоначальную стезю: — В общем, еще немного, и наш оборотень применил бы магию на глазах у сотни зрителей, направив ее на автобус, — настолько ты ему оказалась... интересна.

Последнее слово Дейминго подбирал несколько секунд.

— Про то, как удалось скрыться, — разговор особый, а вот то, что Адриано будет искать меня и найдет, — вопрос времени.

— С чего бы такая уверенность, что найдет?

— Я, как любая порядочная Золушка, скрываясь с места преступления, в смысле покорения, оставила туфельку.

Дейминго автоматически опустил взгляд и начал с интересом рассматривать мои грязные (после фонтана-то) ноги. Я же пошевелила большим пальцем стопы и помимо воли начала заливаться краской.

— Ну, не совсем туфельку... думаю, браслет отеля ее заменит.

— Тогда ждем ответного хода, — предвкушающе потер руки старик.

— Ждем, — подтвердила я. — Вы можете здесь, а я — в ванной.

— Умыться? — уточнил очевидное старик.

— Утопиться.

— Тогда приятного утопления, — окрик родственничка нагнал уже на пороге. И значительно тише: — Кажется, после сегодняшнего дня я начинаю понимать, что Лим в тебе нашел.

О своей находке пока решила свекру не говорить — стоило все еще раз обдумать самой.

Когда я, закутанная в полотенце, вернулась в комнату, у меня было лишь одно желание — завалиться в постель и как следует дремануть. Часов этак десять, не меньше. По расчетам, Адриано, чтобы найти меня, понадобится около суток.

Первые симптомы «самой счастливой женской поры» давали о себе знать — аппетит отсутствовал напрочь и раздражало буквально все: и нежный персик обоев, и живые цветы в вазе, и открытое окно, в которое втекал свет низкой, дебелой, стоящей в зените луны, и доносившиеся звуки туристического, веселого Рима.

Кольнуло нехорошее предчувствие, холодком пройдясь меж лопаток.

Выключила свет и двинулась к окну, чтобы закрыть. Хотелось тишины и покоя.

Едва я захлопнула створки и, раскинув руки, потянулась за тяжелыми шторами, чтобы их свести, почувствовала, как чьи-то сильные руки мягко, но уверенно обняли меня за талию, не давая обернуться.

— Попалась, *mia bella*^[2] — шепот щекотал ухо.

Сомнений в имени визитера не было. «Какой шустрый», — подумала с досадой. Меж тем оборотень, будь он неладен, времени не терял. Его рука скользнула под полотенце, заставив меня непроизвольно вздрогнуть. Почувствовала, как мужская ладонь легла на еще влажную кожу живота, прошла по бедру, познавая изгибы тела. Я ощущала движение

каждого его пальца. Едва уловимые касания заставляли трепетать, но не от возбуждения, а от злости. В этот самый миг Адриано решил слегка прикусить мочку моего уха.

Замерла, боясь вздохнуть. В голове мысли мелькали калейдоскопом, просчитывая варианты. Оттолкнуть? Соппротивление лишь распалит его. То, что возбуждение мужчины велико, ощущалось слишком явно. Да визитер и не пытался это скрыть, прижимая меня к себе.

— Наконец-то я нашел тебя, мое безумие, мое наваждение. Еще ни одна женщина не возбуждала, не влекла меня настолько. Ты не обычная смертная, с тобой можно не скрывать своей истинной сути, моя чародейка..

Горячее дыхание, обжигающий жар кожи, хрипотца и... порывивание?

«Думай, Света, думай!» — приказала сама себе. Этот блохастый и так зашел слишком далеко, а на свекра, явившегося бы, как *deus ex machina*^[3], надеяться не приходилось.

Вот так всегда в жизни. Мужики — на них надежда только в делах великих, как то: выборы президента, победа нашей сборной по футболу, поиски ответа на вопрос «конечна ли Вселенная?», а вот в бытовых вопросах (купить дом или квартиру? в какую школу пойдет ребенок? или как вот сейчас — чем отбиться от излишне отестостероненного оборотня?) — тут уж выкручивайся, дорогая, сама.

Решение пришло неожиданно. А поскольку альтернатив особо не было (а имеющаяся не устраивала меня), решила работать с тем, что есть.

Расслабила тело и, потянувшись довольной кошкой так, что полотенце было готово уже капитулировать, промурлыкала:

— Эмиль, дорогой, ты умеешь удивить... — произнесла первое пришедшее на ум имя.

Моя фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы. Налет романтики смыло, зато в воздухе буквально запахло ревностью.

Звериный рык, и меня резко, болезненно развернули за плечи. Машинально отметила, что наверняка на коже останутся синяки.

Полотенце все же упало, не выдержав натиска. Меня буквально опалило дыхание оборотня. Частично трансформировавшийся зрачок, удлинившиеся клыки, заострившиеся скулы — свидетельства того, что Адриано обуревали сильные эмоции, которые он пытался сдержать. Как видно, на контроль тела его уже не хватило, а может, не считал нужным тратить на это силы? Инстинкт и чувство стыда буквально вопили о том, чтобы я нагнулась и прикрылась, но, закусив губу, подавила естественный порыв скрыть наготу. Этот жест истинной скромницы выдал бы меня с головой, разрушив сформировавшийся в сознании Адриано образ той, которой все нипочем.

— Какой еще Эмиль? — Он встряхнул меня, прижимая к себе так, что дышать стало трудно.

Я испугалась. На миг прикрыла глаза, чтобы загнать страх поглубже и собраться с мыслями.

— Вот уж не думала, что случайный незнакомец может быть Отелло настолько, чтобы ревновать не только к фонарному столбу, но даже к обесточенному.

Холодностью и сарказмом попыталась прикрыть обуревавшие меня эмоции. Не сказать, чтобы мне это полностью удалось, учитывая то, что я стояла перед оборотнем в костюме Евы, прикрытая лишь связкой амулетов на цепочке, но некоторый эффект слова все же возымели.

Он глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул и разжал руки, отпуская меня.

— Мы не незнакомцы! А с учетом обстоятельств нашей встречи и того, что я потратил кучу сил, устраняя последствия твоей... беспечности, ты мне еще и должна, — рыкнул он мне в лицо, переходя на ты. — И тебе следует быть благодарной, что я не сдал тебя полиции, а вернул кабриолет хозяину так, что он даже не заметил угона.

«На что я и рассчитывала», — про себя завершила пылкую речь оборотня. И несмотря на импульсивность Адриано, это его «я не сдал тебя полиции» стало той точкой опоры, тем подтверждением, что план сработал. Это придало сил и уверенности.

Осмелев, обняла его лицо ладонями так, чтобы его глаза смотрели в мои, и проникновенно, вкрадчиво произнесла:

— Я никому ничего не должна. Ты сам этого захотел. И кстати, я не чародейка. Мой отец — да, но я без дара.

Опустив руки, отошла.

Я понимала, что сейчас скольжу по лезвию, где с одной стороны кромки — необходимость удержать внимание, заинтересовать хранителя, с другой — мои честь и верность. Второе было гораздо важнее. А потому шагнула спиной вперед и уперлась в столик. Память услужливо подсказала, что на нем — ваза. Рука незаметно потянулась, нащупывая сосуд. Магию мне применять нельзя — сразу же найдут, но тюкнуть по темечку этого озабоченного, если придется, смогу. А там уже буду решать, что делать с контуженным.

— Мне все равно, — выпалил Адриано и, не подозревая о моем коварстве, стремительно приблизился в попытке поцеловать.

— А вот мне — нет! Я не желаю, чтобы мои внуки были блохастыми перевертышами! — басовито прогремело на всю комнату.

После этих слов вспыхнул свет, заставивший меня зажмуриться.

«Можно», — разрешила сама себе и схватила с пола полотенце, тут же в него завернувшись. И только после этого до меня дошел смысл сказанного Дейминго: «Я не желаю, чтобы мои внуки...»

Ну свекор, ну гад! Был еще целый список эпитетов, которыми так и хотелось наградить родственничка. Решил разыграть разгневанного отца. Не удивлюсь, если он караулил этого Адриано за дверью с того момента, как я ушла в ванную. И ведь ждал до последнего. Нет чтобы вмешаться раньше... Одолевали злость, стыд, желание придушить обоих. А свекор меж тем почувствовал себя не иначе как Станиславским.

— И тем более я не желаю видеть рядом с дочерью кобеля, кто примеряет на себя по женщине в день!

Дейминго раскраснелся от гнева, потрясая в воздухе кулаками.

— Да она... да я не коб... — Адриано задохнулся от возмущения.

— По тебе видно! — перебил его свекор, подлетая и беря за грудки.

Такой прыти от старичка даже я не ожидала.

А родственничек, пользуясь моментом, решительно начал выгалкивать незваного гостя. И так шустро это делал — я аж подивилась. В две секунды ловелас оказался выдворен из номера. А свекор, перед тем как захлопнуть дверь, сказал в коридор, будто выплюнул:

— Моя девочка скоро выходит замуж, убирайся вон!

Щелкнул замок. Таргос, топая, отошел, а потом сделал то, что меня изумило до глубины души: на цыпочках подкрался ко входу и прильнул к глазку. Не удержалась и последовала за ним, а когда оттеснила любопытного родственничка, то моим глазам предстала странная картина: Адриано сидел, прислонившись спиной к коридорной стенке, и хохотал, обхватив

голову руками и повторяя:

— А ведь женюсь... Видят врата, женюсь...

— Он сошел с ума? — шепотом спросила у свекра, когда мы отошли от двери.

— Нет, это ожидаемая реакция закоренелого холостяка и бабника, которого прижало настолько, что он готов плюнуть на свободу и помчаться к алтарю.

С сомнением посмотрела на старика.

— Вот увидишь, завтра он придет просить твоей руки.

— Сомневаюсь.

— А я нет, — жестко произнес старик. — Я бы на его месте так и сделал. Ты правильно и очень мудро разыграла карты, девочка.

— Но, манипулируя чувствами других, чувствую себя последней сволочью, — неожиданно призналась я.

— Ничто в этой жизни не дается даром, за все мы платим. У меня на душе тоже скверно, но все это ради свободы Лима, ради внучки... — старик неожиданно обнял меня, то ли утешая, то ли ища поддержки.

— Ради него, — ответила тихо, — но давайте не будем ему говорить о сегодняшнем вечере.

Родственничек отпрянул, хитро усмехнулся и заговорщически прошептал:

— Договорились. Он и мне шею здорово намылит, если узнает, что я был рядом и не вмешался раньше, — а потом смущенно добавил: — Ты извини, но я не мог. Этого Адриано надо было дожать...

Вид смущенного Таргоса стоил пережитого позора, и я лукаво поддела старичка:

— А вы не думали керлингом заняться?

— С чего бы? — опешил от такого перехода Дейминго.

— У вас очень здорово получается выталкивать. Особенно любвеобильных оборотней из девичьих спален.

Удивительно, но свекор начал краснеть.

И тут мой желудок решил, что настало время для его сольной партии, и выдал руладу, которой позавидовали бы даже волкодлаки, воюющие на луну.

— Голодная? — понимающе уточнил свекор.

Я лишь кивнула засуетившемуся старику.

— Тебе чего принести?

— Соленой рыбки и мороженого. Очень хочется.

Только озвучив свое желание, по вытянувшемуся лицу поняла: такого сочетания продуктов свекор за свою жизнь не встречал.

Зато спустя двадцать минут я с удовольствием смешала эти два ингредиента и с блаженной улыбкой дегустировала это гастрономическое извращение.

Дейминго сначала кривился, потом разглядывал меня со все возрастающим интересом и наконец, не выдержав, решился:

— Неужели так вкусно?

— Очень, — оторвавшись-таки от селедки в шоколадном мороженом, подтвердила я.

— А можно попробовать? — вооружившись ложкой, протянул свекор.

Я инстинктивно прижала креманку к себе, но потом, тяжело вздохнув, будто расстаюсь с величайшей драгоценностью, протянула родственнику.

Он мужественно зачерпнул ложечку и, зажмурившись, проглотил содержимое.

Причмокнул и... потянулся за второй. Моему возмущению не было предела.

— И правда вкусно.

«Издевается», — решила про себя, но уступила. Когда же этот пройдоха потянулся за еще одной добавкой, а потом за еще одной, не выдержала:

— А может быть, принесете еще?

Старик с сожалением в последний раз глянул на меня и, вздохнув, отодвинулся.

Глядя на него, подумала: «Кто из нас беременный — это большой вопрос».

Спать легла уже за полночь. Думала, от пережитого сегодня долго не сомкну глаз, но организм оказался умнее хозяйки: в сновидения провалилась, как под лед, — быстро и без надежды на скорое всплытие.

Мне пригрезился рассвет. Озерная кромка. Вода, рябью искрившаяся в лучах восходящего светила, курчавая ива, влюбленно всматривавшаяся в стайку красноперок. Белая шустрая чайка, рассекавшая небесную лазурь. И Лим. Его печальная улыбка и взгляд. Только он так смотрел на меня. В его глазах была жизнь, объятая любовью, бесконечные нежность и тепло.

Я подошла к нему босиком. Мокрый песок охлаждал ноги, едва уловимый ветерок заигрывал с выбившейся из волос прядью.

— Любимая, — прошептал Лим, — как же я по тебе скучаю.

— И я. Безумно.

Слезы, помимо моей воли, полились из глаз. Я любила его, порою несносного, иногда дотошного, но всегда такого родного, понимающего, самого близкого и дорогого.

— Ну чего ты, ромашка? — он приподнял мой подбородок, открывая лицо с дорожками слез и поцеловал поочередно в закрытые глаза. — Все будет хорошо.

Я лишь шмыгнула носом, еще крепче прижалась к своему демонюке и спрятала лицо на его груди. Лим погладил меня по голове, успокаивая, как ребенка.

— Пожалуйста, где бы ты сейчас ни была, береги себя, моя девочка, — прошептал, целуя макушку.

— Нас, — поправила машинально. — Не себя, нас.

— Нас? — секундная заминка и недоумение: — Ты имела в виду дядю... поверь мне, он сам может о себе позаботиться...

— Нет. Нас — это меня и нашего с тобой малыша.

Почувствовала, как тело мужа напряглось. А потом он осторожно, словно боясь спугнуть чудо, положил руку мне на живот. Робкая улыбка, столь несвойственная серьезному следователю, заиграла на его лице.

— Ребенок, — наконец осознал он. — Мой ребенок!

А потом подхватил меня на руки и закружил, счастливо смеясь вновь пришедшему дню.

Нас осыпало брызгами, когда Лим пробороздил мелководье. И в этот миг я проснулась. Долго лежала, глядя в потолок, а потом все же решила встать.

За окном еще только занимался рассвет. Город просыпался.

Я нечаянно опустила взгляд долу. Моя ночная сорочка была вся в брызгах, а ноги — в песке.

— Как же мне плохо без тебя, Лим, как же плохо...

Есть время для хандры, а есть для действия. Причем второе часто наступает тогда, когда хочется первого. В моем случае волшебным пенделем судьбы был визит Адриано. Оборотень возжелал аудиенции ровно в десять утра, когда приличные люди начинают еще только

звонить, осведомляясь о делах, но никак не заявляются с предложением сердца, печени, ливера и своих верхних конечностей.

Чаяниям блохастого о встрече со мной не суждено было сбыться: свекор подбил его еще на пороге, не хуже снайпера-зенитчика, фразой:

— Что из сказанного мною вчера вам было непонятно?

Адриано отрапортовал, что понятно было абсолютно все, именно поэтому он и желает поговорить с моим «папой» тет-а-тет, ибо беседа не для девичьих ушей. Пришлось изобразить покорную дочь и удалиться. А потом полчаса стоять в ритуальной позе сплетницы, прильнув к замочной скважине. Именно после этого я начала сочувствовать любопытным старушкам-соседкам, которые целыми днями бдят у дверных глазков, на подъездных лавках и мониторят периметр двора из окна не хуже киборгов (а посему по осведомленности переплюнут майоров ФСБ).

В связи с дозором у меня затекла поясница, лицо перекосило от длительного прищуривания левого глаза, но результат того стоил. Я узнала много интересного о форме свадебных торгов среди магов. Свекор, например, вытребовал в качестве обручального подношения своей «дочурке» какой-то ценный артефакт и заявил, что, несмотря на возраст Адриано (к слову, рубежный) — двадцать шесть, — необходимо, чтобы союз был благословлен Распределителем. И это — еще не все условия. Дейминго перечислил целый «малый перечень», по итогам прослушивания которого Адриано стал неимоверно печален, но все же неумолим в своем решении сочетаться браком.

По завершении разговора я едва успела отпрянуть от своего наблюдательного пункта и чинно сесть в кресло. Мужчины вышли, и по их лицам (одному с нервно дергающимися скулами, второму — лоснящемуся довольством) было видно, что переговоры были изматывающими, а условия — грабительскими (Адриано) и привели к потенциальному изрядному обогащению (Дейминго).

— Дорогая моя девочка, — начал свекор. От такого обращения я едва не икнула — уж больно несвойственны были и тон, и манера речи, буквально смердящая доброжелательностью. — Это тяжелый шаг для меня... не знаю, простишь ли...

«Набивает цену», — не прониклась патетикой сказанного. Судя по скептически заломленным бровям Адриано — не я одна пришла к такому выводу. Дейминго же несло по ораторской стезе, как после молока с селедкой (хотя учитывая нашу вчерашнюю гастрономическую вакханалию...). Мысленно сделала для себя заметку больше с родственничком деликатесами не делиться. Свекор разливался соловьем о трудностях выбора и о том, что мне, как истинной дочери своего отца, нужно следовать долгу и выйти замуж за уважаемого синьора Адриано.

Решила внести долю реализма в эту дешевую актерскую импровизацию.

— И за сколько меня продали?

В кашле зашлись оба, словно мужчины разом продегустировали девяностошестиградусный медицинский спирт, а закусили — тополиным пухом.

Первым, как более резистентный к моему характеру, нашелся свекор:

— Поверь мне, доченька, это было очень выгодное предложение. Но если ты будешь категорически против — настаивать я не стану, — пошел на попятную старик. — Однако буду безгранично рад, если ты ответишь благосклонностью моему дорогому другу Адриано.

Я раздраженно покачала ножкой, отчего шифоновый подол заколыхался, а оборотень при виде этого простого жеста сглотнул.

— Благосклонность еще надо заслужить, — протянула задумчиво, давая время соискателю на мой ливер додумать окончание фразы.

— Скажи только чем или как? — понял намек оборотень.

Свекор, уйдя на второй план, наблюдал за нами. Сейчас он напомнил мне папарацци, глядящего в объектив, как в прицел.

— Удиви меня. Исполни мое желание, например, — медленно подводила блохастого к тому, ради чего и была затеяна эта авантюра. — Или сделай так, чтобы я тебя... не полюбила, нет. Это слишком сложно. Но хотя бы начала уважать.

— И каково же заветное желание? — не иначе как Адриано, взвесив за и против, припомнив обстоятельства двух предыдущих встреч и мою оценку его «самцовых» повадок, выбрал то, что казалось ему проще.

— Увы, машины времени не существует, а так бы хотелось прикоснуться к истории, к тому, что было много веков назад: вдохнуть воздух эпохи Возрождения в Латеранской базилике, — протянула мечтательно, — пройтись по только что вымощенной улице к Капель Сант-Анджело, увидеть, как завершается строительство купола собора Святого Петра... Но ни одному магу, даже современнику, это не под силу, — печально завершила я.

— Магу — нет, — оборотень глубоко вздохнул, — хотя сейчас и ходит слух об одном талантливом то ли волшебнике, то ли чародее, что сумел прыгнуть на целых два столетия назад... Хотя я склонен считать это газетной уткой.

При этих его словах свекор беззвучно хмыкнул, выражение его лица говорило, что старик даже представляет точный вес этой утки, а также окрас и семейное положение. Адриано же, не замечая, продолжал:

— Но думаю, что подарить частицу истории в моих силах.

Он торжественно замолчал. Я же никак не комментировала его спич, банально боясь спугнуть. Пауза затягивалась, и родственничек уже было хотел вмешаться, когда оборотень все же пояснил:

— Моя должность, как хранителя чародейских летописей, подразумевает некоторое погружение в историю, — и тут же его тон сменился, перейдя на деловой. Стало понятно, что, несмотря на его слабость по женской части, к исполнению своих обязанностей он подходил серьезно. Легкая интрижка не заставила бы его нарушить правила. То же, что он их собирается именно нарушить, подтвердили следующие слова:

— Хранилище имеет несколько степеней защиты, как магических, так и технических. Лишь я могу отпереть его двери с помощью своей крови, отданной добровольно. При этом помыслы мои должны быть чисты, а цели — не противоречить законам чародейского мира.

Я застонала про себя: да что же это такое! Мои цели и мысли были далеки от праведных (разве что для цыган — это у них воровство и обман считаются делом благочестивым). Если эта дверь настолько чутка к греховным эманациям, то она при моем приближении не просто не откроется, она должна будет оцетиниться шипами и сделать предупредительный залп из замочной скважины.

Впрочем, внешне постаралась не выдать отчаяния, оптимистично заявив:

— И когда же наступит время чуда?

Адриано, желавший, видимо, покорить Эверест как можно быстрее, заявил:

— Прямо сейчас.

Глядя на него, я поняла, что зачастую те, кто испытывает истинные чувства, способны просто тихо любить, а подлецы — сразу стремятся жениться.

Глава третья

Ограбление по-ватикански

Ватикан, май 2018 г.

Наивно было полагать с моей стороны, что хранилище будет напоминать чем-то типовой, а оттого невзрачный и деловой филиал цюрихского депозитного банка или, на худой конец, подвалы московской библиотеки имени Ленина. Нет, товарищи маги подошли к вопросу складирования своих манускриптов, скрижалей, летописей, гримуаров и прочей чародейской макулатуры с размахом, забронировав подземелье величайшего символа католицизма — собор Святого Петра в Ватикане. Глядя на величие этой базилики, подумалось, что под ее сводами творили Бернини, Рафаэль, Микеланджело. И невольно возник вопрос: интересно, а кто-нибудь из них был магом? Или эта красота — творение рук простых смертных?

Последнее я, судя по всему, произнесла вслух. Поскольку Адриано, повернувшись ко мне, вдохновенно, так, как это может сказать лишь истинный итальянец, провозгласил:

— Тяжело поверить, что во времена, когда бумага считалась ценностью, а писать умел лишь каждый двухсотый, были созданы не только чертежи, но по ним и возведены величайшие творения цивилизации. К слову, флорентийский купол, построенный Брунеллески в эпоху Возрождения, архитекторы смогли повторить лишь в двадцатом столетии. Тяжело поверить... — повторил Адриано, а потом лукаво добавил: — А ты и не верь. На месте этого собора двадцать три столетия назад была магическая школа. Потом — набеги варваров, сровнявшие ее с землей, затем новая религия... а после, в конце пятнадцатого века, в голову одного из магов-воздушников, если не ошибаюсь, Бернардо Росселлино, пришла дерзкая идея — возвести хранилище артефактов и свитков на самом людном месте, а чтобы не пускать туда простых смертных — провозгласить творение зодчих центральным собором.

Во время своей короткой пламенной речи оборотень придвинулся ко мне столь близко, что захотелось сделать шаг в сторону (и неважно, что там был поребрик, за которым начиналась проезжая часть). Но свекор, идущий сзади, бдел.

Его черная трость, на манер мушкетерской шпаги, вклинилась меж мною и хранителем, хвост старого демонюки обвил мою руку, заставив сделать шаг назад, а сварливый голос одернул не в меру прыткого «жениха»:

— Адриано, еще немного, и моя девочка вынуждена будет запрыгнуть на крышу проходящего мимо авто.

При этих словах мы с оборотнем невольно проводили взглядом миниатюрный «ситроён», по сравнению с которым даже наша «Ока» казалась большим и солидным мини-вэном. Я лишь подивилась, как внутри автомобиля сумел сложиться его водитель. Впечатление было такое, что уши шофера торчат из обеих боковых форточек, а передачи он переключает не иначе как копчиком. Зато величественный взгляд поверх руля (к слову, для удержания штурвала хозяину приходилось плотно прижимать руки к телу) свидетельствовал — этот Шумахер неимоверно горд своей колымагой.

— Боюсь, ваши опасения, папенька, напрасны... — озвучила я витающую в воздухе мысль. — Если решусь на сей кульбит, я просто раздавлю такую мелкую машинку.

К слову, я заметила, что в Риме действительно популярны такие крошечные кары. Хотя, глядя на эти отгламуренные инвалидки, невольно думалось, что они удобны не только при парковке. Там, где они не проедут, можно просто их взять под мышку и перенести.

Свекор недовольно хмыкнул, но продолжил гнуть свою линию. Правда, решил перейти от лингвистических изысков к простой тактической хитрости: занял центральное положение между мною и Адриано, за что я была ему искренне благодарна.

Наша тройца прошла через площадь, которая уже пестрела туристами. Голуби, пользуясь халявой и доверчивостью гостей Вечного города, внаглую вымогали съестные подачки, а те, что уже сыто переваливались (и, судя по их виду, не могли взлететь из-за обильного пищевого довеса), приставали друг к другу с непристойными предложениями.

Адриано от голубей, ведомых инстинктом размножения, не отставал, умудряясь поедать меня глазами даже через свекра. Дейминго оставалось лишь выпячивать грудь и расправлять плечи.

Подойдя к собору, мы, подобно сотням тысяч паломников, начали восхождение по мраморным ступеням. Когда же оказались внутри, возникло невольное ощущение, что я где угодно: в музее, палаццо, галерее, но не в храме. Не витал в воздухе специфический запах ладана, не звучало эхо церковных песнопений, в общем, не было той атмосферы отрешенности от суеты, что присуща храмам.

Наш «гид», пока я глазела по сторонам, отделившись от потока страждущих узреть красоты фресок и барельефов, потянул нас в один из нефов, мимо мраморной плиты со списком имен (не иначе папских?). «Прямо как фамилии и поквартирное расположение жильцов в элитном доме», — пришло невольное сравнение. Это нехитрое лавирование позволило скрыться от взглядов зевак за чередой колонн.

Неприметная дверь, а рядом с нею — черное электронное табло, сенсорный экран которого ожил, едва Адриано прикоснулся к нему. «Приложите ладонь и приготовьтесь к сканированию сетчатки глаза», — гласила надпись на английском.

Адриано приложил руку к экрану и слегка наклонился вперед. Видимо, уже привык к ежедневной процедуре сверки личности. Мы же со свекром нервно переглянулись.

Вся процедура заняла от силы десятков секунд, после чего Адриано уверенно толкнул створку. Узкий коридор с указателями и ответвлениями.

— Это кратчайший путь к недоступным для обычных прихожан и туристов алтарям, гробницам и капеллам, — пояснил обротень.

Меня же мучил иной вопрос:

— А часто такие места... — замялась, подбирая слова, но умные в голову не шли, а если и шли, то складываться в связные мысли не хотели, поэтому выдала как есть: — Как вот это хранилище, маскируются под храмы?

Видимо, Адриано повеселил мой вопрос, свекор лишь хмыкнул и покачал головой. Видимо, я спросила что-то очевидное.

— Часто. Так же, как дворцы и резиденции, хотя в Пхеньяне тюрьма для магических преступников находится под метро...

Некстати вспомнилось, что корейское метро не уступает по глубине питерскому, а может, даже и превосходит... Неужели Лим там? Закусила губу до отрезвляющей боли. Не думать, не думать об этом сейчас.

Коридор оказался не прямым, как думалось сначала, он забирал влево. Почудилось даже, что мы идем по огромной, спускающейся вниз спирали. Ощущение переросло в уверенность, когда коридор начал сужаться, а его дуга — становиться все более явной.

— Советую пригнуться. Сейчас мы войдем в грот Петра. Именно оттуда начинается ватиканский некрополь и находится вход в хранилище.

Потолок давил, воздух становился все более спертым, и я почувствовала себя кораблем, запертым в шлюзе, когда нет пути назад, но и вперед не слишком-то продвинешься.

Наконец мы свернули в одно из ответвлений коридора и оказались в небольшом зале. Низкий неровный сводчатый потолок, чадающие факелы.

— Вот мы и в гроте, — провозгласил провожатый.

Царивший полумрак, запах прогоревшего, высмоленного фитиля, причудливые тени на неотесанном камне — все это рождало ощущение нереальности происходящего. Словно сейчас не двадцать первый век, а дикое Средневековье.

Лишь спустя некоторое время, когда глаза привыкли к сумраку, я смогла разглядеть железную дверь, напомиравшую ворота крепости в миниатюре: массивную, арочную, неприступную, обитую полосками железа и заклепками. Она находилась в другом конце зала. Без единой ручки, скобы, замочной скважины. Сразу вспомнился старый советский фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Поежилась.

Адриано же, не оглядываясь на нас, прошел к двери, прислонился к ее створке обеими руками, и его тело в тот же миг окутало сияние.

— *Historia non facit saltus*^[4] — под речитатив оборотня створки начали раскрываться.

— Забавно, заклинание, заключенное в одно из выражений мертвого языка... — протянул свекор и шагнул вперед.

Мысль о том, что ворота не пропустят тех, кто несет в себе зло, забила перепуганной птицей в силках. Старик, видя мое замешательство, чуть слышно прошептал:

— Это всего лишь артефакт, а не менталист, считающий все твое прошлое. Они сканируют мысли лишь текущего момента. Думай не о темном, а о светлом.

— Нефильтрованным? — с нервным смешком уточнила я.

— Хм... хорошая идея. Помечтаю-ка я о нем: холодном, пенном, с запахом хмеля в высоком бокале... — протянул родственничек и, задорно поигрывая тростью, двинулся к дверям.

Когда мужчины миновали врата в святая святых, причем один из них думал о пиве (тоже мне мысль, полная «чистоты и возвышенности»), я невольно задумалась: а так ли непогрешимы эти артефактные блюстители?

Не спеша сделала несколько шагов. «Прямо как на плаху шагаю, — за этой мыслью мелькнула еще одна, более абсурдная: — Интересно, а раскаяние в грехах перед кончиной придумали для того, чтобы богатый жизненный опыт не пропадал зря?» У меня вырвался нервный смешок. Дейминго скривился и одними губами, глядя на меня, произнес: «Давай, девочка». Адриано, обернувшийся в этот самый момент, недоуменно вскинул брови.

А я последовала мудрому педагогическому совету предков: чтобы ребенок правильно думал головой, надо его как следует отшлепать по заднице, и незаметно ущипнула себя. На краткий миг мыслей не осталось вообще — видимо, все дезертировали под натиском непредсказуемого женского коварства (правда, к самой себе), а глаза защипало. А после этого первой пришедшей (и цензурной) мыслью было: «Только бы тушь не потекла!» Именно с такой могучей думой я и миновала вход. То ли древние врата прониклись сочувствием к

водостойкой (жаль, лишь в условиях засухи) туши, то ли у артефакта сегодня был выходной, но внутрь хранилища мы попали без особых приключений.

Знала бы я, что все только начинается...

За дверью оказался еще один коридор. Вот только он ничуть не напоминал предыдущий, словно выгрызенный в камне. Нет, этот, наоборот, был широк, с высоким, теряющимся в темноте потолком, ровными стенами и кучей барельефов на них. Скупой свет лился из плававших в воздухе светильников, которые чем-то напоминали медуз, если бы у тех внутри была батарейка со светодиодной лампой.

— Надо отдать дизайнеру должное. Миленький летальный стиль... — прокомментировал свекор, проходя мимо особо эпичного барельефа в человеческий рост, изображавшего раззявивших пасти умертвий. С противоположной стороны скалились голые черепа, в глубине глазниц которых мне почудился зловещий огонек.

— Да, некромант, создавший эту охранную систему два столетия назад, постарался. Реши вор проникнуть в хранилище, ему ни за что не пройти по этому коридору.

— Почему? — решила уточнить. Нам же отсюда еще как-то выходить.

— Да его просто разорвут сотни беспокоящихся, что сейчас выглядывают из стен.

«Вот тебе и барельефчик», — подумалось некстати. Оказывается, все эти твари — не плод фантазии скульптора, а охрана. Из лекций по нежитиведению вспомнилось, что такие вот стражи весьма бдительны, выносливы и кормить их не надо — догонят и растерзают незваных гостей, а остатки — вот как эти черепа — еще и утащат с собою в стену, пополняя «штат сотрудников».

Внутри зарождался иррациональный страх. «Это просто морг. Ну, чуток необычный, вместо ванны с формалином и ячеек с трупами — стенка. И всего-то», — провела я мысленный аутотренинг. Полегчало. Единственное, пожалела, что в руке нет привычного скальпеля. С ним как-то привычнее в трупной обстановке.

Коридор закончился еще одной дверью. Хотя какая это дверь? Ажурная ограда, правда, с привратником — пожилым мужчиной в темно-синем костюме. Накрахмаленная манишка, белые манжеты, запонки — все это выдавало в нем человека старомодного, неуместно смотревшегося бы на поверхности, где царствует век высоких технологий. Но здесь, глубоко внизу, в галерее, временные границы стирались.

— Добро пожаловать, господин Адриано, — проскрипел он приветствие и поднял глаза.

И тут я поняла, что передо мною вовсе не человек. Белесые, затянутые белой пленкой зрачки, бескровные губы, восковое лицо.

Оборотень лишь кивнул, и страж, более не медля, развернулся и начал отпирать ворота, за которыми уже маячили стеллажи самых причудливых форм и размеров.

Когда мы наконец-то попали внутрь, я поняла: искать будем долго и упорно. Хранилище поражаало своей величиной.

В стенах были выдолблены каменные ниши. Деревянные стеллажи в одной части зала, железные — в другой. В противоположном от входа конце — вообще с потолка свисали какие-то странные гроздья, вызывавшие ассоциации с гигантской виноградной лозой, у которой вместо ягод — полупрозрачные сферы. А посередине помещения — колодец.

Поймав мой взгляд, Адриано пояснил.

— Это шахта. Мы сейчас на первом уровне, где собраны в основном письменные источники. Ниже находятся... — тут он замялся, а затем весьма обтекаемо закончил: — Иные носители знаний. Так к какой эпохе желала бы прикоснуться моя несравненная

красавица?

Мне вспомнилась записка, выуженная из фонтана, и я уверенно произнесла, стараясь придать голосу романтическую мечтательность:

— Расцвет Ренессанса. Эпоха Микеланджело и Рафаэля.

— Значит, шестнадцатый век, — деловито уточнил Адриано и решительно потянул нас к стеллажам из мореного дуба.

Я успела заметить, что в стенных нишах хранились скрижали, глиняные таблички и железные пластины, только и поняла, что историки всего мира удавились бы за одну, возможность прикоснуться к таким древностям. Очередной поворот в этом безумном лабиринте, и мы оказались перед стеллажом высотой метров шесть, не меньше. Выцветшие корешки книг, свернутые свитки — их здесь тысячи!

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Bambola — кукла (*итал.*). (*Здесь и далее примеч. автора.*)

Mia bella — моя прекрасная (*итал.*).

Deus ex machina — «Бог из машины» (*лат.*), неожиданная, нарочитая развязка ситуации с привлечением ранее не действовавшего фактора.

Historia non facit saltus — история не делает скачков (*лат.*).